

Печерский Благовестник

Журнал

Киево-Печерской Лавры

№ 2 (14) / 2025

О жизни Лавры и не только

Издается по благословению
Блаженнейшего Митрополита
Киевского и всея Украины **Онуфрия**,
Предстоятеля Украинской
Православной Церкви,
Священноархимандрита
Киево-Печерской Лавры

Под редакцией
Высокопреосвященнейшего **Павла**,
митрополита Вышгородского и
Чернобыльского, наместника
Киево-Печерской Лавры

Редакционная коллегия:
Архимандрит Симеон (Трищук)
Архиdiакон Евфимий (Лосяков)
Иеродиакон Лонгин (Задорожний)

Литературный редактор:
Иеродиакон Соломон (Цимох)

Фото:
Архимандрит Варлаам (Бурнос)
Архимандрит Симон (Новиков)
Иеродиакон Исаакий (Пономарев)
Иеродиакон Тим (Яшкин)
Алена Нарцисса

Корректор:
Архимандрит Симеон (Трищук)

Дизайн, верстка:
Иеродиакон Лонгин (Задорожний)

Содержание

Интервью с Предстоятелем

Преподобные от мира брали минимально, но
миру давали очень много 5

Слово Наместника

Рождество Пресвятой Богородицы 9

События

В порыве служения..... **12**

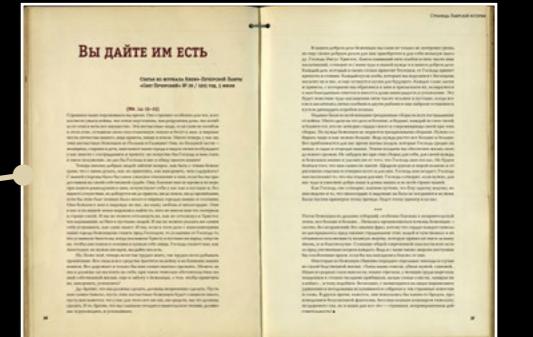
Богословие

Иисус Христос. Начало Евангелия **17**

Страницы Лаврской истории

Преподобный Арсений трудолюбивый **31**

Воспоминания профессора Никодимова **33**

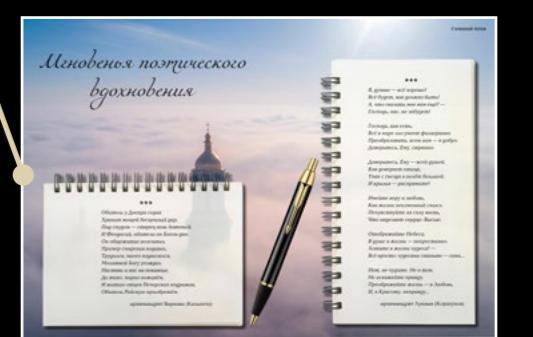

У книжной полки

Чехов и вера, заметная разве что луне 48

Мгновенья поэтического вдохновения 54

ПРЕПОДОБНЫЕ ОТ МИРА БРАЛИ МИНИМАЛЬНО, НО МИРУ ДАВАЛИ ОЧЕНЬ МНОГО

Интервью с Блаженнейшим Митрополитом
Киевским и всея Украины Онуфрием

Ваше Блаженство, Вы часто встречались с чудесами по молитвам преподобных Печерских?

— Преподобные отцы, которые прожили свою жизнь в этой святой обители и угодили Господу через свой подвиг воздержания, смирения, покорения Божией воле, являются ходатаями и молитвенниками за всех нас, грешных. В их житиях мы можем найти для себя пример, ободряющий нас в крестоношении. Среди преподобных отцов Печерских, которых сегодня чтит Святая Церковь, одни прославились особым трудолюбием ради Бога, другие — молчанием во имя Творца, несением тяжелого креста болезней, усердным служением больным, что приравнивается к крестоношению болезней, некоторые затворялись в пещерах, где проводили все годы жизни и представлялись ко Господу. Преподобные служили ближним, приходящим в обитель. И много других подвигов совершали святые отцы. И то, что Печерская обитель выстояла в трудные времена гонений и воинствующего атеизма, есть самое

большое чудо, которое Бог сотворил молитвами святых отцов. Многие сегодня по молитвам преподобных Печерских получают врачевание своих телесных недугов и немощей духовных. Множество людей, обращающихся за помощью к отцам Киево-Печерским, свидетельствуют, что в этом духовном колодце есть живительная вода и ее получают.

— В Киево-Печерской Лавре почивают мощи святых, которые у престола Божия в Царствии Небесном молят о нас. И это одно из самых больших утешений для верующих. Владыко, есть ли у Вас Печерский святой, которого Вы особо почитаете?

— Ко всем преподобным я отношусь с большой любовью и трепетом: каждый из них потрудился во славу Божию по своей силе, и каждому Бог воздал соответствующей мерой Своей благодати, поскольку она не определяется человеческими критериями, а только милостью Господа. Сегодня

В момент, когда человек наполняется Божиим миром, он становится миротворцем. Человек может не выступать на круглых столах, на переговорах, не призывать с разных кафедр или трибун людей к миру, он сам становится носителем мира. Те, кто его видит, кто с ним общается, или даже те, кто не видит его, пользуются тем Духом мира, который от него исходит.

Еще более высокой ступени на пути совершенствования он достигает, когда переносит всякие неправды, всякую клевету, не оскорбляется этим, не восстает. Он знает: раз Бог попустил — значит нужно терпеть и за все благодарить Бога!

И самой высокой степени совершенства человек достигает тогда, когда терпит гонения, терпит преследования, терпит все ради Христа. Блажен тот человек, который себе избирает этот путь!

мы не способны к такой жизни, которую проводили Печерские отцы, но должны все равно себя побуждать к порабощению, усмирению. А как себя лучше усмирять? Ставить в рамки закона Божия. Это есть порабощение себя закону Духа, потому что плоть и дух постоянно находятся в борьбе у каждого человека, и тот, кто старается поработить свою плоть духу, поступает правильно, а делающий наоборот — совершают ошибку. Мы должны хотя бы в маленьком и небольшом себе ограничивать, поэтому и молимся сегодня преподобным отцам Печерским, чтобы они вознесли свои сильные молитвы перед Богом, а Он укрепил наши немощи, помогал нам хотя бы немножко ограничивать себя и ставить на тот путь, который ведет к миру, к взаимной любви и спасению.

— Почему современным людям нужно читать жития святых, Киево-Печерский патерик, чему учит нас подвиг Печерских отцов?

— Земная жизнь человека — краткий период времени, имеющий начало и конец. И он дан человеку не для того, чтобы во время этой жизни мы повеселились, попраздновали и отошли в веч-

ность, а чтобы мы показали свою верность Творцу, любовь к Нему и ближнему как носителю образа Божия. Проявление такой любви к Господу бывает самым разнообразным. Иногда она требует от нас небольших жертв, а порой любовь к Богу нужно засвидетельствовать своей жизнью. Преподобные отцы были готовы к тому, чтобы отдать свою жизнь, но не изменить Христу. От нас Господь не требует этой жертвы. Отец желает, чтобы мы хотя бы потерпели своего ближнего — таким, какой он есть. Не нужно требовать от него: ты должен быть таким и лучше — и тогда я буду тебя терпеть. Бог нас всех терпит, хотя иногда мы бываем очень грешны, часто этого не зная, не замечая. Греховность человека определяется нравственным состоянием, в котором он находится. Его в каждом человеке видят Творец. И когда люди начинают смотреть вглубь себя, то замечают там много грязи и всякой нечистоты. Но не следует отчаиваться, нужно обращаться к Богу смиренно: «Господи, помоги мне!» И сила Божия очищает человека. Наша задача — честно относиться к себе, а ближнему воспринимать таким, какой он есть. Этому и научаются нас преподобные

Киево-Печерские отцы. В них мы видим образец идеального приготовления себя для вечности. От мира они брали минимально, а миру давали очень много. Они служили миру в буквальном смысле: помогали людям в скорбях, в болезнях и нужде, они всегда молились и продолжают молиться за этот мир. Поэтому мы должны отбросить свою гордыню и сказать Богу со смирением: «Господи, я не имею того, что делает меня достойным вхождения в Вечную Жизнь. Ты просвети одеяния моей души и спаси меня».

— Для современного человека такой образ жизни может показаться слишком строгим. Что Вы посоветовали бы в таком случае?

— Каким бы этот путь внешне не казался жестоким, суровым и тесным, на самом деле, в той маленькой плоскости, в которой живет монах, есть много сладкого, блаженного и вожделенного от Бога.

Как жили бы люди, если бы они не имели услаждения Святого Духа, как бы могли жить наши преподобные, которые заключали себя в пещеру и годами жили во тьме, в тесноте про-

странственной? Они нашли там для себя то, что мы не можем найти в миру. Они нашли там Бога, Бог был с ними и наполнял их Своей благодатью и Своей силою утешал их. И они ничего другого не хотели.

Кто-то может сказать: «Я не могу подражать святым, ведь у меня семья, дети, родители и так далее». Да, мы не можем быть один в один похожими на них, но в чем-то мы можем им подражать. Хотя бы терпением без ропота и нареканий на то, что Бог нам посыпает. Не надо доверять своим чувствам и рассуждениям, которые испорчены грехом, а надо отдаваться на волю Божию и благодарить Его за все, помня о том, что Бог является Любовью и абсолютным Добром. Даже когда от Бога исходит горькое, то оно приносит человеку блаженство и радость, если мы это принимаем с благодарностью.

Пусть Господь помогает нам с молитвой, постом, терпением, смирением и кротостью подражать святым отцам, чтобы молитвами этих преподобных подвижников мы сподобились вечной жизни в Царствии Небесном во Христе Иисусе, Господе нашем ■

Фото: протоиерей Серафим Ростохин

Рождество Пресвятой Богородицы

Проповедь митрополита Павла

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

«Рождество Твое, Богородице Дево, радость возвести всей вселенней, из Тебе бо возсия Солнце правды Христос Бог наш и, разрушив клятву, даде благословение и, упразднив смерть, дарова нам живот вечный». Этот праздничный тропарь возвещает нам, что рождение Богородицы явилось радостью и величайшим благом для всего человечества, поскольку оно подготавливало обещанный ветхозаветными пророками приход Спасителя и давало надежду людям на избавление от вечной гибели. Благодаря Деве Марии для всего человечества воссияло новое Солнце, Солнце Правды — Христос Бог, Который Своим искупительным подвигом уничтожил проклятие первородного греха и его следствие — смерть, а вместо них даровал каждому из нас жизнь вечную. В тропаре Спаситель назван Солнцем Правды, что отсылает нас к ветхозаветному пророчеству Малахии, устами которого говорил Сам Господь: «А для вас, благовеющие пред именем Моим, взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его» (Мал. 4:2). Это значит, что Христос Своими лучами исцелит раны людей, главной из которых является грех Адама и Евы.

Во времена, когда люди дошли до нравственного упадка, чтобы не допустить погибели рода человеческого, Бог дает миру для спасения Пречистую Деву Марию — Ту, Которая является собой источник чистоты и святости, Ту, через Которую придет в мир Бог, чтобы спасти всех жаждущих спасения.

Она родилась в городе Назарете, в семье праведных Иоакима и Анны. Родители Ее были благочестивыми людьми и происходили из богатых и знатных родов: Иоаким из рода пророка и царя Давида, Анна из рода первосвященника Аарона. Они, уже достигнув весьма преклонных лет, не имели детей. Но, веря в милосердие Божие, не теряя надежды, молили Бога о даровании им ребенка. И дали обет Богу, если будет у них ребенок, то они посвятят его на служение Богу. Но Господь не исполнял их желания. Почему? Необходимо было, чтобы успокоились человеческие страсти. Иоаким и Анна, не имея детей, были людьми весьма зажиточными. Они имели свои стада, свои поля и просили у Бога, чтобы Господь дал им чадо. Много трудались они и всю свою жизнь посвящали молитве и на служение ближ-

Мы величаем Пречистую и говорим, что Ее рождество спасло весь мир, ибо Она предвозвещает человеческому роду спасение. Что может быть сильнее и радостнее этого великого величания и возвещения людям о спасении! Если мы становимся подверженными каким-то событиям, если мы видим, что перед нами есть какие-то непреходящие, нерешаемые проблемы, — мы заливаемся слезами и ропщем на свою жизнь, ропщем на тот крест, который нам Господь послал, как будто Он не слышит и не знает наших молений. Но здесь самое главное — радость всему миру, ибо из престарелых Иоакима и Анны воссияет Вместилище Солнца Правды — Пречистая Дева, Которая возвещает миру Рождество Истинного Мессии, о Котором предвозвещали пророки и ветхозаветные святые.

нему. Потому много было роздано пожертвований и милостыни. Праведная Анна, как и каждая женщина, желала почувствовать радость материнства. Каждая женщина ждет, чтобы произнес ее ребенок самое нежное в мире слово «мама».

У иудеев же бездетность считалась наказанием Божиим за грехи. Немного мы здесь остановимся. Почему так страшно было иудеям не иметь детей? Потому что каждый ждал, что именно из его колена и рода произойдет Мессия. Иудеи знали: если в браке нет детей, значит семейная пара недостойна того, чтобы в их семье родился Христос.

И праведные Иоаким и Анна терпели поношения от окружающих. Однажды Иоаким принес в Иерусалимский храм жертву Богу, но первосвященник не принял ее, сказав Иоакиму, что он недостойный участвовать в жертвоприношениях по причине его бесчадства: «Не должно принимать от тебя дары, потому что ты не имеешь детей, а следовательно, и благословения Божия». Иоаким удалился в пустынью и там со слезами молил Бога о даровании чада. Узнавшая о случившемся Анна, скорбя в сердце своем, также продолжала неустанно молиться, уповая на милосердие Господне.

Господь услышал их... Архангел Гавриил принес праведной Анне радостную весть: «Анна!

Бог услышал молитву твою: ты зачнешь и родишь Дщерь Преблагословенную; через Нее будет славен во всем мире род твой, через Нее получат благословение все племена земные и всему миру будет даровано спасение. Имя же ей будет Мария».

Вскоре Анна зачала, а спустя положенный срок на свет появилась Дочь, Которую назвали именем, данным Ей ранее Ангелом, — Мариам (Мария), что значит «госпожа».

Счастливые родители собрали всех родственников, друзей, знакомых. Конечно, все были в удивлении, ведь неплодство Анны было разрешено уже в старости. Но история знала подобные примеры: некогда Бог разрешил неплодство Сарры, супруги патриарха Авраама; позднее у престарелых родителей — Захарии и Елисаветы, родственницы праведной Анны, — родился Предтеча и Креститель Иоанн, который возвестил о грядущих событиях спасения рода человеческого.

Родившийся ребенок — Дева Мария — жила в родительской любви и заботе. Несмотря на весьма преклонный возраст праведная Анна питала ребенка грудью, радовалась и благодарила в молитве Бога за то, что Он избавил ее и ее мужа от бремени бездетности и освободил от презрения в народе.

У меня особенное слово к родителям. Часто говорят: «Мы завели ребенка...». Ребенка не заводят! Ребенок дается Богом как величайший дар и он должен являться прекрасным плодом любви двух людей, мужчины и женщины, решивших соединить свои сердца узами брака. А те супруги, которые потеряли всякую надежду на рождение ребенка, очень часто впадают в полнейшее отчаяние. Для таковых пусть станет назидательным примером то крепкое и непреложное упование на милость Божию, которое имели родители Пречистой Богородицы — Иоаким и Анна.

Прошу и молю вас, дорогие братья и сестры, никогда не говорите: «Мы заведем ребенка». Заводят скотину, заводят домашних животных, а Господь дал вам для отрады и утешения возможность быть родителями.

Относитесь со страхом и трепетом к событию зачатия детей. Как вы зачнете, такой будет и плод! Какой посев — такая и жатва. Еще много поколений наше общество будет пожинать страшные плоды, которые не были взращены на доброй и благодатной почве, а произрастили на песке неверия и разврата.

Иоаким и Анна — это яркий пример для всех родителей, как нужно воспитывать детей. Не собой только должны заниматься отец и мать,

не себе только уделять время, но и жертвовать собою ради своего же младенца. Любовь к ребенку, усердная молитва за ребенка, обучение его заповедям Господним — вот та жертва, на которую должны идти настоящие родители. И не одни няни должны детьми заниматься, а мама с папой должны прочувствовать материнство и отцовство. На первый взгляд кажется, что главное — обеспечить ребенка материальными благами, чтобы он ни в чем не нуждался. А теперь задумайтесь: счастлив ли ваш ребенок, имея все, но не имея родительской любви? В роскоши и богатстве — дети одиноки и вырастают эгоистами. Не имеющие любви в детстве, не могут сами любить. И родители, видя своего подрастающего ребенка дерзким, грубым, замкнутым в себе... не понимают, чего ему не хватает.

А все просто — детям не нужны ваши деньги, Детям нужна отеческая и материнская любовь. Пусть же, братья и сестры, молитва и забота праведных Иоакима и Анны о своей единственной Дочери, Преблагословенной Марии, станет для всех матерей и отцов примером настоящей родительской любви, а их благочестивый образ жизни послужит для назидания и вразумления всех тех, кто искренне желает спасения и достижения вечного блаженства ■

В ПОРЫВЕ СЛУЖЕНИЯ

Лаврские гостиницы перестали принимать гостей. Снаружи их заблокировали. Но внутри продолжалась жизнь. Ответственность не позволяла бросить все на произвол судьбы... оставить всё тем, кому жизнь Лавры совершенно безразлична, если и вовсе невыносима... В этом, собственно, разница: кто-то отбывает время в монастыре и только ждет окончания рабочего дня с тем, чтобы быстрее оказаться за пределами лаврских врат, а кто-то, совсем иначе, при входе в обитель испытывает ощущение чего-то родного, будто от встречи с близким другом, особенно, после долгой с ним разлуки... Чем и как жил этот гостиничный островок, внешне отрезанный от привычной жизни монастыря и мира за его стенами, в котором остались дом, семья, заботы? Чем вдохновлялся и в чем находил надежду в эти непростые дни внешней блокады?

— Вот уже два года, как вы здесь в Лавре, в таком, отчасти, блокадном положении... не жалеете, что всё это время находитесь здесь?

— Нисколько. Наоборот, мне даже кажется, что нам еще будет не хватать этого времени. Времени, в котором больше чего-то настоящего, неподдельного. Когда как-то по-особому, ближе что ли, видится Промысл, будто ты к нему прикасаешься... и все у тебя складывается так, что иначе и быть не могло. А еще ты замечаешь, что в жизни ты совсем не одинок, не только в отношении людей, но и в том, что называют помощью свыше. И этот ни с чем не сравнимый опыт многоного стоит... Все это сложно передать словами. Многим ведь кажется, что как только нас выбрасывает из привычного течения жизни, так все пропало. Но нет, тут только начинается все новое, хорошее.

— Что ж, тогда давайте вспомним с чего все началось. Итак, в среду 9 августа 2023 года, еще до заседания суда по делу о выселении братии, Заповедник прислал письмо с требованием к девяти утра следующего дня освободить все три гостиничных корпуса.

— Да. Я была здесь. Это была моя смена и я помню, как часть людей, проживающих у нас, отправились к зданию суда поддержать братию. Вернулись все они достаточно поздно — после девяти вечера. И на следующее утро собирались обратно в суд, так как окончательного решения еще не было. О требованиях Заповедника нас предупредили, но такое поведение с их стороны не только было совершенно противозаконным, но и отсыпало скорее к далекому большевистскому прошлому, особенно в отношении монахов и верующих. Все это сильно возмутило наш церковный народ: у крыльца гостиниц 10 августа собрались прихожане, подтянулась братия, так что представителям Заповедника, появившимся около 10 утра, пришлось уйти обратно, формально зафиксировав недопуск.

— Примерно в это же время началось заседание суда. Все было предсказуемо: полное удовлетворение исковых требований Заповедника. Нам лишь оставалась возможность подать апелляцию. Но неожиданности на этом не закончились. При выходе из здания суда мы узнали, что вход на нижнюю территорию Лавры был закрыт для всех, кроме братии.

— Ну да, в этот вечер наши паломники уже не смогли попасть в гостиницу. Кому-то из них все же разрешили забрать свои вещи, но остальным пришлось ночевать в храме прп. Агапита. А на следующее утро заместитель директора повесил на дверь нашего корпуса табличку с надписью «Доступ к корпусу запрещен», попутно разместив охрану в стоящей рядом продуктовой лавке. Охранникам было поручено никого к нам не впускать и даже препятствовать любым попыткам что-либо нам передать, в том числе продукты. Вот так 11 августа началось наше «затворничество».

— И как же вы здесь выживали?

— Во-первых, у нас в гостинице были какие-то запасы, что называется первой необходимости, а еду нам все время передавали через окно. К тому же, узнав о случившемся, наши чуткие православные люди сразу же стали слать посылки. Нас снабдили всем необходимым и даже больше, особенно по части кухонных предметов. Поддержку ощущали очень сильно. Братия также поддерживала и молитвой, и добрым словом, и, нередко, просто угощением с братского стола или сада.

— А как обстояли дела с духовным окормлением. Понятно, что само по себе нахождение в монастыре уже ко многому обязывает, тем не менее, вы были лишены возможности посещать храм, причащаться...

— Где-то на пятый день архимандрит Варнава сумел организовать внутри богослужение и причащать людей запасными Дарами. Но это относилось лишь к 58-й гостинице. У нас же к тому времени никого из священников уже не было. Более того, когда архимандрит Самуил после Литургии с Чашей подошел к нашему корпусу, ему даже через окошко не разрешили нас причастить. В таких условиях нам оставалось лишь подключаться к видеотрансляции и всем вместе следить за богослужением. Естественно, у нас было свое молитвенное правило. Мы решили, что нужно ходить крестным ходом, читать особые молитвы,

для того чтобы у нас не отобрали корпус. И вот крестным ходом по корпусу мы ходим по сей день: то есть мы читаем утренние молитвы, затем подымаемся на каждый этаж, читаем там Евангелие и проходим по этажу с молитвой. Со временем, не без помощи отца Варнавы, у нас выработался свой молитвенный устав. Только под конец августа был единственный раз, когда один из лаврских батюшек рискнул и «тайнообразующе» проник к нам в корпус, исповедал и причастил всех нас.., но это был единственный раз.., после этого мы, набравшись смелости, таким же «тайнообразующим» образом стали посещать богослужения... Приходилось вставать очень рано, чтобы не быть замеченными. Но опять-таки всегда было опасно, потому что на постах была охрана.

— Как налаживались отношения с охраной, были ли среди них те, кто относился к вам с пониманием, шел навстречу?

— Никаких конфликтных моментов у нас с охраной не было. Мы, по сути дела, ничего не нарушили и не переходили за рамки недозволенного. Центральным выходом мы не пользовались и настолько уже привыкли ходить нашим потаенными ходами, что входную дверь нам не нужно было даже открывать... Охрана всегда была у нас на виду. Они нам говорили, что вы можете отсюда уйти. Уходить разрешали, просто мы понимали, что вернуться обратно уже не сможем. Конечно, бывали разные смены охраны. Кто-то устраивал рейды по территории с поисками вошедших не по списку прихожан, но каких-то уж слишком волнивших ситуаций у нас с ними не происходило. Только однажды возле храма нас начали проверять, допрашивать, кто вы, откуда..., мы долго с ними разговаривали и они даже готовы были нас вывести за пределы монастыря, но потом разговор пошел как-то по-другому. Мы объяснили свою ситуацию, личную жизненную, что у нас есть такая возможность и они, не взирая на свою строгость, как-то смягчились, отнеслись с пониманием и отпустили нас.

— Следующий значимый момент — это визит 1-го сентября уполномоченного Верховной Рады по делам человека, после чего передавать продукты разрешили напрямую — через дверь.

— Вот только это решение нас нисколько не коснулось, оно относилось только к гостиницам № 57 и № 58. У нас же все оставалось по-прежнему.

И нашим доброжелателям, тем, кто снабжал нас продуктами, также приходилось выжидать, чтобы не попасться на глаза охране.., но голодными мы не оставались.

— А как обстояли дела с распорядком?

— У нас выработался режим: утреннее правило, затем завтрак, дальше уборка всего корпуса, в час дня акафист, затем чуть-чуть отдых, время для личных дел, ужин и вечернее правило.

— В условиях, когда прогулки стали невозможны, не выработался ли еще навык без концаходить по комнате, наматывая порою километры, как это было в привычке Достоевского?

— Конечно прогулок не хватает, но их можно компенсировать гимнастикой... я поймала себя на той мысли, что у меня был когда-то знакомый, которого в молодости посадили в тюрьму, и он вышел оттуда такой атлетичный, что я не могла не спросить, как это возможно и он тогда сказал, что для этого ведь не нужно много места. Я часто вспоминаю эти его слова. И, да, положенную дневную норму в шесть километров мы возмещаем ежедневной уборкой. Это тоже физический труд: мы постоянно пылесосим, моем все этажи, даже там, где у нас никто не живет. Зайдите в любую комнату — у нас все убрано и все помыто. Отдельная история — уход за цветами, которые за все это время разрослись неимоверно.

— Что ж, вот мы приближаемся к еще одному переломному событию: после семи месяцев блокады охрану гостиниц сняли. С 4 марта 2024 года ваши корпуса уже никем не охраняются.

— Да, жить стало несколько легче, но все равно, гулять слишком свободно по территории мы не можем, потому что в любой момент к тебе может подъехать полицейская машина и начнется проверка документов с расспросами: почему мы здесь находимся в это время?.. Естественно, чтобы избежать всего этого, мы стараемся не выходить, хотя сейчас уже нет таких жестких мер и мы спокойно можем открыть дверь, но полной свободы все равно нет. Да и попасть на территорию Лавры все также сложно. Не все из нас могут безвылазно здесь оставаться: у кого-то семья, у кого-то квартира, какие-то еще обязанности и хоть несколько раз в месяц, но все же нужно попасть домой. Приходится перелазить через лаврскую стену, а это всегда риск, потому что недостаточно только

перелезть, нужно еще тихонечко идти и наблюдать нет ли рядом полиции или выжидать подходящего момента. И мы, опять-таки, стараемся приходить, когда уже смеркается. Вот вчера пришла в половине десятого — в это время охранники отдыхают и они не так бдительны.

— Как знакомые и друзья реагируют на вот такую, как многим может показаться, приключенческую жизнь?

— Меня порою это, честно говоря, смущает, так как многие просто не понимают всей серьезности и усталости, с которыми приходится здесь сталкиваться. Взять, хотя бы, истощение от постоянного, уже хронического, стресса или преследующей тебя тревоги, когда проникаешь сюда. Мне даже пришлось снять на видео весь этот путь, так как в представлении многих я просто, как и годами ранее хожу, на работу. Так что приходится показывать, объяснять. Я даже придумала как отвечать на частные вопросы о том, что я здесь делаю и какие сейчас мои обязанности. Говорю: мы здесь сторожа, не администраторы, как было прежде, мы всего лишь сторожим и обслуживаем это здание, чтобы оно было в жилом состоянии. Бросить его нельзя. Как только ты бросаешь помещение, оно приходит в упадок. Это мы уже наблюдали на примере отобранных у монахов 34-го корпуса, где повсюду на стенах плесень и вздутые паркетные полы. Та же история и с бывшим семинарским общежитием. А еще запах плесени в Успенском соборе, повышенная сырость в пещерах... Да и все остальные, захваченные у монахов, корпуса остаются, в лучшем случае, без надлежащего присмотра. Об этом всем приходится объяснять — кто-то понимает, но далеко не все.

— А вообще, сложно оставаться верным себе, когда тебя не понимают знакомые люди?

— Сложно. Был даже момент, когда я задавалась вопросом: ну сколько это уже может продолжаться, для чего и кому все это нужно, ведь мы не работаем по сути дела, вопросы не решаются, суды затягиваются, зарплаты нет, так как понятно, что Лавра в полной мере не функционирует. И я даже как-то сказала нашему приходскому батюшке, отцу Сергию, а может мне уже заканчивать свой подвиг? И тогда он меня спросил: «Скажите, может у Вас проблемы есть, возможно в чем-то нужда острая, на работу идти, деньги зарабатывать?». Да нет, говорю: крайней нужды я не испытываю,

мне помогают дети, они все понимают. «Тогда, давайте я буду за Вас каждый день молиться, только вы не уходите, пожалуйста, оттуда»... Поддержка очень помогает. К тому же, я человек ответственный и для меня, за сколько уже лет я здесь администратором, все это стало чуть ли не моим детищем, почти как квартира или родной дом и ты не можешь вот так вот взять и бросить его.

— Изменилось ли за это время отношение к Богу?

— Когда я только пришла в Лавру, мне казалось, что я поработаю здесь только год. Это было в какой-то степени продолжением моего воцерковления, мне тогда было интересно разобраться, что же это у нас за вера такая православная. И мне тоже поначалу задавали вопросы: «А для какой цели ты туда пошла?» И я, честно сказать, до сих пор не нахожу на них какого-тонятного ответа. Тем не менее, есть четкое понимание, — я на правильном пути, все это были не случайные шаги, все к этому вело и даже те потери, которые у меня в жизни случились — тоже не случайны, хотя это и сложно принять. Видимо, во всем этом есть какое-то предназначение. Поэтому да, я стала больше доверять Богу. К тому же, для меня во многом стал понятнее путь тех, кто добровольно отказывается от привычного уклада жизни, свободы действий и желаний. Раньше мне казалось это сложным и неприменимым ко мне. А сейчас я учусь даже с таких жизненных обстоятельств извлекать пользу и, в первую очередь, духовную.

— А в отношении себя, узнали ли Вы что-то новое? Все-таки обстановка, мягко говоря, неспокойная, кого-то она подавляет, а кого-то, наоборот, делает сильнее.

— Да, это, отчасти вынужденное, затворничество здесь — именно то, что мне нужно, потому что не понятно, чем бы я занималась, не будь этого всего. Честно говоря, я бы никогда не стояла и не читала в таком количестве вечерних правил, не ходила бы крестными ходами... И вот, когда сейчас я попадаю к себе домой, то мне этого уже не хватает, так что не раз приходило на ум, а не пройтись ли крестным ходом по квартире? (смеется). Вот для меня в этом есть определенная польза, к тому же, ты о чем-то глубже задумываешься. Значит, для чего-то все это нам нужно.

— Как вы отреагировали на новость о том, что около двадцати наших насельников покинули

обитель, в то время как вы остаетесь и живете в Лавре, практически как ее насельники?

— Я понимала, что ситуация может быть серьезной... им повесили ярлык «московские попы», сделали чуть ли не врагами народа. Так что нет, я нисколько их не осуждаю. Мы же все разные, кто-то чего-то боится, а кто-то нет...

— Но ведь дальше угроз, по большому счету, дело так и не сдвинулось. Конечно, досталось нашему наместнику митр. Павлу: и временное заключение в СИЗО, и недопуск в Лавру, но остальная братия, по большей части, обошлась всего лишь угрозами. У кого-то они, конечно, переходили в надуманные устрашающие сюжеты.., но все равно это было лишь предчувствием, зачастую преувеличенным, раздутым...

— Минуты слабости случаются у каждого... Как-то Анну Андреевну Ахматову спросили, можно ли покинуть Родину спасаясь от смерти или это все равно предательство? И она ответила: «А что по-вашему, бегство святого семейства в Египет, если не эмиграция... Важно понимать: от чего бежишь и куда идти»... В общем, сложно сказать. Но повторюсь, все мы разные.

— Угроза захвата Лавры до сих пор нависает над всеми нами. Как Вы для себя отвечаете на невольно приходящую мысль об окончательном закрытии нашей обители?

— А помните, что говорил старец Порфирий, духовник Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры, во времена нависшей угрозы со стороны большевиков расправиться с Православием? «Враги думают побороть Церковь и натравляют на Истину людей бессмысленных. А в конце концов, грех будет побежден страданием и стойкостью оставшихся верных Православию чад Святой Церкви. Вот, в борьбе и трудах познается любовь к Богу и Церкви... Да, очень жаль нашу Церковь. Пожалуй, что все храмы закроют и последние обители разрушат. Но это не беда. И при закрытии Она просияет таким светом, что победит тьму закрывающих Ее, и поклоняются Церкви те, кто сейчас Ее гонит». Столько надежды, бодрости и силы в словах старца. Конечно, каждый из нас надеется на то, что в целом закончится не только война, но и происходящие здесь испытания и что несомненно, мы еще будем здесь трудится...

— Прекрасные мысли. Спасибо Вам большое! ■

Лето 2025 г.

Иисус Христос. Начало Евангелия

Христос-Эммануил
Роспись собора Новоафонского монастыря. Абхазия. Конец XIX века

ЖУРНАЛ «ПЕЧЕРСКИЙ БЛАГОВЕСТНИК» ПРОДОЛЖАЕТ ПУБЛИКОВАТЬ ФРАГМЕНТЫ КНИГИ МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА (АЛФЕЕВА) «ИИСУС ХРИСТОС», ГДЕ АВТОР, ОЧЕНЬ ОБСТОЯТЕЛЬНО ИЗУЧИВ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЖИЗНИ ИИСУСА ХРИСТА, ИЗЛАГАЕТ ПОДРОБНУЮ БИОГРАФИЮ СПАСИТЕЛЯ С ОБЗОРОМ ОСНОВНЫХ ПУНКТОВ ЕГО УЧЕНИЯ

Внешность

Во всем Новом Завете нет ни одного описания внешнего облика Иисуса Христа, хотя в античной биографической литературе этому придавалось большое значение. По-видимому, для евангелистов внешность Иисуса имела второстепенное значение по сравнению с Его учением и деяниями.

Однако, по мере распространения христианства среди язычников, церковные писатели стали задаваться вопросом, какой была внешность Христа. Авторы II – III веков считали, что «Он был человек некрасивый», «казался невзрачным», «имел вид вовсе не прекрасный». Представление о невзрачности Иисуса основывается на буквальном прочтении пророчества Исаии: «Он был презрен и уменьшен пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лицо свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его» (Ис. 52:3).

В дальнейшем, однако, это представление было пересмотрено и уже в IV веке Иероним писал, что «само сияние и величие скрытого Божества, Которое светилось даже на человеческом лице, при первом виде Его могло привлекать к себе смотрящих на Него». В «Послании к императору Феофилу», сохранившемуся под именем Иоанна Дамаскина (VIII в.), внешность Иисуса описывается так: «Высокий рост, сросшиеся брови, красивые глаза, длинный нос, вьющиеся волосы приятного цвета, черная борода, лицо пшеничного цвета, как у Матери, пальцы продолговатые, голос звучный, сладкоречивый, кроткий, великолодушный, долготерпеливый».

Такие представления о внешности Иисуса опираются, вероятно, на иконографическую традицию, с которой неразрывно связана история обретения Нерукотворного образа Иисуса Христа, который может быть отождествлен с полотном, известным сегодня под именем Туринской плащаницы.

На плащанице отобразилась фигура мужчины средних лет, ростом около 170 см, с лицом удлиненной формы, длинными волосами, расчесанными на прямой пробор, усами и бородой. Именно таким Иисус изображается на большинстве канонических икон.

Дистанции

Иисус вел образ жизни странствующего проповедника. Согласно Евангелиям, Иисус и Его ученики почти постоянно находились в движении. Они ходили из города в город, из селения в селение, преодолевая пешком значительные расстояния. Выражение «дневной путь», употребляемое и в Ветхом, и в Новом Завете (Быт. 30:36; Исх. 3:18; Исх. 8:27; Числ. 10:33; Лк. 2:44), указывает на дистанцию от 20 до 40 километров. В зависимости от физического состояния человека, его возраста и пола, цели путешествия и скорости, эта дистанция может быть увеличена или уменьшена. Судя по всему, Иисус и ученики ходили достаточно быстро, если речь шла о переходах из одного города в другой.

Расстояния между галилейскими городами, по современным меркам, не очень значительны. Так, например, дистанция между Назаретом и Капернаумом составляет около 50 километров: при быстрой ходьбе такое расстояние

Беседа
Иисуса
с уче-
никами.
Живопись,
Джеймс
Тиссо,
1894 г.

можно преодолеть за один день. Более значительной была дистанция между Галилеей и Иудеей: в зависимости от пунктов отправления и назначения она могла составлять от 100 до 200 и более километров. Расстояние от Иерусалима до Назарета сегодня составляет от 130 до 150 километров. Учитывая состояние дорог в I веке, можно предположить, что в те времена путь из Иерусалима в Назарет мог занимать от нескольких дней до нескольких недель.

По крайней мере, в некоторые дни Иисусу и Его ученикам приходилось преодолевать расстояния, превышающие стандартную длину «дневного пути». Так, например, на другой день после встречи с Иоанном Предтечей на берегах Иордана Иисус «восхотел идти в Галилею». Он находит Филиппа, а Филипп находит Нафанаила, который был из Вифсаиды Галилейской (Ин. 1:43 – 44). Встреча Иисуса с Нафанаилом (Ин. 1:47 – 51) происходит где-то на пути из Иудеи в Галилею. «На третий день» Иисус с несколькими учениками уже оказывается на браке в Кане Галилейской (Ин. 2:1), отстоящей от места, где крестил Предтеча, на 150 – 200 километров.

Основную часть времени Иисус проводил в Галилее. Однако Евангелие от Иоанна отмечает несколько путешествий Иисуса в Иерусалим — на праздники Пасхи, поставления кущей и обновления храма. Помимо Иерусалима, Он эпизодически путешествовал и в другие города и области за пределами Галилеи. В частности, Он посещал Заиорданье (Мф. 19:1; Мр. 10:1), регион Кесарии Филипповой (Мф. 16:13; Мр. 8:27), «страны Тирские и Сидонские» (Мф. 15:21; Мр. 7:24).

Для того, чтобы постоянно ходить пешком, в том числе на далекие расстояния, нужно быть в хорошей физической форме. У нас есть все основания полагать, что такой формой обладали и ученики Иисуса, и Он Сам. В отличие от наших современников, большинство из которых должны заниматься спортом, чтобы поддерживать здоровье, современники Иисуса в этом не нуждались: сам их образ жизни был достаточно здоровым и спортивным. Благотворное влияние оказывали свежий воздух и простая пища, которой питалось большинство населения Палестины.

Образ жизни странствующего проповедника был сознательно избран Иисусом. Его слова о том, что «лисицы имеют норы и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8:19 – 20), можно понять как обобщенное указание на такой образ жизни. Но их можно понять и как вполне конкретную информацию о том, что у Иисуса не было дома — ни в Капернауме, где были произнесены эти слова, ни в каком-либо ином месте.

На этой земле Сын Божий был бездомным. Когда Он родился, Ему, еще Младенцу, не нашлось места в гостинице (Лк. 2:7). Из родного Назарета Его выгнали (Лк. 4:29). Иногда Он останавливался у учеников.

Именно дом Петра в Капернауме стал своего рода перевалочным пунктом, где Иисус останавливался, когда возвращался в Капернаум из путешествий: в этом доме проживало по крайней мере четыре человека: Петр, его жена, теща и брат Андрей (Мр. 1:29 – 30). Возможно, там жили и другие родственники, например, родители или дети Петра (если таковые у него были). Как правило, дом не делился на комнаты: все жили в одной общей комнате, друг у друга на виду.

Путешествуя из города в город, Иисус делал краткие остановки для отдыха. В таких случаях Он, устав от пути, мог присесть, чтобы отдохнуть, а учеников посыпал в город купить пищи (Ин. 4:6 – 8).

Рацион

Чем питались Иисус и Его ученики? Рацион их был простым; основу его составляли обычные, наиболее употребительные продукты: хлеб, рыба, вода, вино. Хлеб и рыба неоднократно упоминаются в Евангелиях в качестве основной пищи учеников Иисуса: сама их профессия предполагала, что питались они в основном рыбой. На Тайной вечере Иисус преподает ученикам хлеб и вино, и даже после Своего воскресения преломляет с ними хлеб (Лк. 24:30) и разделяет трапезу, состоящую из хлеба и рыбы (Ин. 21:13).

Однако рацион Иисуса и Его учеников, по-видимому, не всегда ограничивался самыми простыми продуктами. Иисус принимал приглашения на обед от людей разного социального положения: об этом не однажды упоминается в Евангелиях. Мы видим Его возлежащим в доме мытаря Матфея (Мр. 2:15), в доме Симона прокаженного (Мф. 26:6 – 7; Мр. 14:3) или Симона фарисея (Лк. 7:36 – 40), в доме «одного из начальников фарисейских» (Лк. 14:1), в доме Лазаря (Ин. 12:1 – 2). Эти званые обеды предполагали наличие разнообразных блюд и большого количества гостей. Относительно трапезы в доме Матфея-Левия евангелист Лука прямо говорит, что хозяин сделал для Иисуса «большое угощение», отмечая, что «там было множество мытарей и других, которые возлежали с ними» (Лк. 5:29).

Глагол «возлежать», употребляемый в Евангелиях неоднократно в описании этих трапез, указывает на обычай, широко распространенный в греко-римском мире, принимать пищу полулежа на специальных диванах, расположенных вокруг низкого обеденного стола.

По Своему образу жизни Иисус сильно отличался от Иоанна Крестителя. Если тот жил в пустыне и народ приходил к нему, то Иисус Сам ходил по городам и селениям, проповедуя на улицах, в синагогах и частных домах. Если Иоанн отличался особым аскетизмом, на что евангелисты обращают специальное внимание (Мф. 3:4; Мр. 1:6), то об Иисусе ничего подобного в Евангелиях не говорится. Сам Иисус противопоставлял Свой образ жизни образу жизни Крестителя: «Ибо пришел Иоанн Креститель: ни хлеба не ест, ни вина не пьет; и говорите: в нем бес. Пришел Сын Человеческий: ест и пьет; и говорите: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам» (Лк. 7:33 – 34).

Отличием общины учеников Иисуса от общины учеников Иоанна Крестителя было то, что ученики Иисуса не соблюдали установленные иудейской традицией посты. Соблюдал ли их Сам Иисус? И каково было Его отношение к посту?

Как мы помним, перед выходом на проповедь Он постился сорок дней и сорок ночей (Мф. 4:2): Матфей использует здесь ту же фразеологию, которая употреблялась в Ветхом Завете в отношении Моисея. Лука просто говорит, что в течение сорока дней Иисус «ничего не ел» (Лк. 4:2).

Иисус Христос в Эм-маусе. Роспись Трапезного храма, КПЛ. Начало ХХ в.

С другой стороны, ученики Иоанна Крестителя и фарисеи обвиняли учеников Иисуса в несоблюдении постов, Иисус же в ответ защищал учеников (Мф. 9:14 – 17; Мр. 2:18 – 22; Лк. 5:33 – 39). Из этого эпизода явствует только то, что ученики Иисуса не постились: ничего не говорится о Самом Иисусе. Нельзя исключить того, что Его практика отличалась от практики учеников и что, по крайней мере в некоторые дни, удаляясь от них, Он постился. Однако это не более чем догадка, не подтверждаемая какими-либо текстами в Новом Завете. Из Евангелий мы узнаем только, что иногда Он оставлял учеников, чтобы провести время в уединенной молитве.

Предположения, в разное время выдвигавшиеся, о том, что Иисус соблюдал какую-то особую диету или, например, не ел мяса, не находят никакого подтверждения в Евангелиях. Если бы Иисус не ел мяса, Он не принял бы участие в пасхальной трапезе, на которой главным блюдом был запеченный на огне ягненок с горькими травами (Исх. 12:5 – 8).

БЕЗБРАЧИЕ

Иисус не состоял в браке, не имел жены и детей. Это явствует из евангельских повествований, где в числе Его родственников упоминаются Матерь, братья и сестры, но никогда ничего не говорится о жене и детях. Любые спекуляции о том, что Иисус мог иметь жену или детей, не только всегда отвергались Церковью, но и не воспринимаются всерьез научным сообществом. Если бы Иисус был женат и у Него было потомство, об этом, несомненно, было бы упомянуто либо в Евангелиях, либо в Деяниях апостольских, либо в иных источниках.

Было ли безбрачие для Иисуса следствием сознательного выбора? На этот вопрос Он Сам дает вполне однозначный ответ в беседе с учениками. Отправным пунктом для разговора становятся слова Иисуса о супружеской неверности. Ученики реагируют с недоумением: «Если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться». Вместо того, чтобы развивать далее тему супружеских отношений, Иисус подхватывает замечание учеников и говорит то, что не могло не оказаться для них большой неожиданностью: «Не все вмещают слово сие, но кому дано, ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит» (Мф. 19:10 – 12).

Контекст речи Иисуса очевидным образом показывает, что Он говорит здесь о безбрачии как сознательном выборе, который сделал Он Сам и который предлагает тем, кто «может вместить». Неоднократно в Своих поучениях Иисус предлагает слушателям на выбор не одну, а несколько нравственных опций, соответствующих разным уровням духовного совершенства. История с богатым юношем является тому примером: один нравственный кодекс достаточен для того, чтобы иметь жизнь вечную, другой, более радикальный, — для достижения совершенства. Точно так же Иисус не требует безбрачия от Своих учеников, однако говорит о безбрачии как особом образе жизни, доступном для тех, кто «может вместить». В качестве абсолютного нравственного идеала Он предлагает тот образ жизни, который «смог вместить» Он Сам.

Слова Иисуса о добровольном безбрачии, должно быть, сильно удивляли Его современников и соотечественников, потому что шли вразрез с ветхозаветной нравственностью. В Ветхом Завете благословение Божие выражалось прежде всего в том, что Бог давал мужчине добрую жену и большое потомство. Рождение детей воспринималось как главный способ самореализации мужчины и основное призвание женщины. В чем заключался завет, заключенный Богом с Авраамом? В чем выражалось то особое благословение, которое Бог дал основателю еврейского народа? В том, что Бог обещает ему произвести от него великий народ (Быт. 12:2; 17:2 – 7) и говорит, что потомство его будет столь же многочисленно, как песок земной (Быт. 13:16). И вдруг Иисус призывает человека отказаться от того, в чем, согласно Священному Писанию, выражалось его наивысшее призвание и предназначение — от продолжения рода. Но призыв этот адресован отнюдь не всем, а только тем, кто захочет подражать Иисусу во всем, включая добровольное безбрачие.

При том очевидном факте, что Иисус не был связан узами брака, Ему было глубоко чуждо какое-либо гнушение браком, семейными отношениями и тем, что с ними связано. Он не отказался от приглашения на брачный пир (Ин. 2:1 – 2), в Своих поучениях обращался к теме семейных отношений (Мф. 5:31 – 32), посещал дома Своих учеников и последователей (Мф. 8:14 – 15; Лк. 2:15). В то же время, Он всегда подчеркивал, что верность Ему и Его миссии — важнее любых семейных и родственных отношений (Мф. 10:37) ■

Молитва «Отче наш»

ЖУРНАЛ «ПЕЧЕРСКИЙ БЛАГОВЕСТНИК» ПУБЛИКУЕТ ФРАГМЕНТ КНИГИ СВЯЩЕННИКА ГЕОРГИЯ ЧИСТИКОВА «НАД СТРОКАМИ НОВОГО ЗАВЕТА», ПОСВЯЩЕННЫЙ ХОРОШО ЗНАКОМОЙ, НО, КАК ОКАЗАЛОСЬ, ДОСТАТОЧНО СЛОЖНОЙ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ, МОЛИТВЕ «ОТЧЕ НАШ»

Поэтическая структура молитвы

В конце Нагорной проповеди Господь предлагает нам слова Своей молитвы, которую знают все: «Отче наш, Иже еси на небесех!». Очень важно сравнить слова этой молитвы в Евангелии от Матфея со словами той же молитвы в Евангелии от Луки. Однако, если мы будем использовать для этого Синодальный перевод, то сделать это нам не удастся, так как там текст Евангелия от Матфея полностью перенесен в Евангелие от Луки. Поэтому, лучше взять другой перевод, например, под редакцией епископа Кассиана (Безобразова) и по нему сопоставить два текста этой молитвы.

Итак, что же мы увидим? «Отче наш, Который на небесах!» — в Евангелии от Матфея (Мф. 6:9), и только одно слово «Отче!» в Евангелии от Луки. «Да святится имя Твое. Да придет Царство Твое» — в обоих случаях. А дальше — только у Матфея: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе». Также и последний стих у Луки начинается словами: «И не введи нас во искушение», и только у Матфея есть продолжение: «Но избави нас от лукавого».

Что же получается? Молитва в Евангелии от Матфея состоит из пяти двустиший. Это стройная поэтическая структура, где вторая половина стиха всегда раскрывает содержание первой, что способствует лучшему ее запоминанию, потому что стихи всегда легче усваиваются, чем проза.

«Отче!»

«Отче!» — восклицает Иисус в самом начале молитвы. Из Евангелия от Иоанна мы знаем, что иудеи «еще более искали убить Его» за то, что «Он не только нарушал субботу, но и Отцем Своим называл Бога, делая Себя равным Богу» (Ин. 5:18). Внимательного читателя это замечание должно бы смутить: почему за это хотели убить Иисуса, если во многих других местах Писания пророки многократно называют Бога Отцом?

Например, у Иеремии говорится: «Не будешь ли ты отныне взывать ко Мне: «Отец мой! Ты был путеводителем юности моей!...»» (Иер. 3:4). Или во Второзаконии: «Не Он ли Отец твой, Который усвоил тебя, создал и устроил тебя?» (Втор. 32:6). Или у пророка Исаии: «Но ныне, Господи, Ты — Отец наш... и все мы — дело руки Твоей» (Ис. 64:8).

В чем же здесь дело? Оказывается, Иисус в молитве «Отче наш» называет Бога вовсе не Отцом. Он называет Его словом *Абба*, с которым обращаются к своим отцам маленькие дети. За это и хотят Его убить — за то, что Он обращается к Богу без трепета, употребляя это странное, непонятное, уместное лишь дома, в интимном общении, в устах маленького ребенка слово.

До сих пор в арабских странах дети, обращаясь к отцу, говорят *джаба*, *абба* — дети, но не взрослые сыновья, в устах которых такое обращение звучит нелепо. Слово *абба*, лежащее

Вот какую новую ноту вносит Иисус в наш диалог с Богом! Стань ребенком, обращайся к Богу, как ребенок обращается к отцу — и тогда ты поймешь, что такое христианство, что такое молитва, которой нас учит Христос

в сердцевине тех отношений с Богом, к которым зовет нас Иисус, уместно в устах ребенка, когда он сидит на коленях у папы, но никак не в устах взрослого. Вот за это Его и хотят убить! Вот какую новую ноту вносит Иисус в наш диалог с Богом! Стань ребенком, обращайся к Богу, как ребенок обращается к отцу — и тогда ты поймешь, что такое христианство, что такое молитва, которой нас учит Христос.

А что значат слова «Который на небесах»? Это не что иное, как Бог. Просто Бог. Следовательно, обращение к Богу в начале молитвы «Отче наш» по Евангелию от Матфея повторено дважды, как «Боже, Боже!». Точно так же, как и в псалме: «Боже мой! Боже мой! внемли мне; для чего Ты оставил меня?» (Пс. 21:2).

«ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЕ...»

«Да святится имя Твое...». На первый взгляд, эта фраза почти не поддается пересказу. Однако и в ее смысл необходимо вникнуть как можно более серьезно. Страдательный залог в Писании употребляется, как правило, в одном случае — когда речь идет о Боге, чтобы не употреблять имя Его всуе. К примеру, «Блаженны милостивые, ибо они будут помилованы». Помилует их кто? Господь. «Блаженны скорбящие, ибо они будут утешены». Утешены кем? Богом. «Блаженны миротворцы, ибо они будут названы сынами Божиими». Кто наречет их сынами Божиими? Сам Бог. «Не судите, чтобы и вы не были судимы; ибо, каким судом судите, таким будете судимы», — и Сам Бог осудит вас.

Можно привести аналогичные примеры из Ветхого Завета, особенно из притч. Везде, где употребляется страдательный залог, имеется в виду, что действие осуществляется Сам Бог. Это значит,

что на современном языке вместо «Да святится имя Твое» надо бы сказать «Святи имя Твое».

Это уже понятнее, потому что в книге пророка Иезекииля есть такое место: «И освящу великое имя Мое, бесславимое у народов, среди которых вы обесславили его, и узнают народы, что Я Господь... когда явлю на вас святость Мою перед глазами их» (Иез. 36:23). Из этого стиха можно выделить две параллельные структуры, два параллельных стиха, дублирующих друг друга: «освящу имя Мое» и «явлю святость Мою». Разными словами они говорят об одном и том же.

В Евангелии от Иоанна Иисус несколько раз восклицает: «Я открыл имя Твое...» (Ин. 17:6, 26), т.е. «Я сделал известным имя Твое», или: «Проповедуй имя Твое...» (Ин. 12:28). Значит, святить имя Божие — то же, что открыть. Когда мы обращаемся к Господу: «Святи имя Твое», это означает, что мы просим: «Открой имя Твое», «Яви имя Твое людям».

Имя Божие — вот то единственное, во что вмещается представление о Боге. Через имя Бог являет и открывает Себя людям. Имя Божие — это, в сущности, Сам Бог.

Что Моисей говорит Богу у купины? Люди не поверят мне, спросят, как Твое имя. И тогда Бог открывает Моисею Свое имя: Яхве — Сущий, Тот, Который есть и будет.

Когда мы восклицаем: «Господи, Господь наш, яко чудно имя Твое по всей земли» (Пс 8:2), — то мы говорим тем самым: как чуден Ты Сам! «Да хвалят имя Господа... Хвалите Господа... старцы и отроки да хвалят имя Господа» (Пс 148). Одно и то же повторено в этом псалме несколько раз, но разными словами. Значит, имя Божие — это же, что Сам Бог. «Ночью вспоминал я имя Твое, Господи» (Пс 118:55), т.е. вспоминал о Тебе.

Иными словами: молитва не просто призывает — открой имя Твое, но открои Себя, Господи, войди во всем Твоем сиянии, во всей Твоей святости в нашу жизнь. Яви Себя в Своей славе. Вот что значат слова «Да святится имя Твое».

Почему об этом сказано здесь так сложно — настолько, что большинство из нас не понимают, что значат эти слова? Вероятно, по той причине, что слово Евангелия, действительно, подобно семени. Оно, как семя в землю, падает в сердце человека, чтобы там постепенно согреться, напитаться, разбухнуть, затем дать росток, а через какое-то время принести плод. Слова «Яви Себя нам» мы бы усвоили сразу, быстро поняли и не осознали, что они значат. Но сложное и непонятное «Да святится имя Твое» сеется в сердце и постепенно там прорастает.

Слово Божие подобно ореху в скорлупе. Скорлупа защищает ядро, находящееся внутри. Слова «Да святится имя Твое», как это ни удивительно, тоже надежно защищены от искажений, как скорлупой, самой необычностью той формы, в которой они нам переданы Иисусом. Опыт показывает, что при переписывании текста искажаются именно понятные, легкие места, а как раз непонятные слова и выражения остаются в первоначальном виде. Понятные места переписчик запоминает целыми фразами, отчего может ошибиться, непонятные же пишет пословно и даже побуквенно. Парадоксально, но текст, по форме сложный и малопонятный, сохраняется при переписывании лучше, чем простой и понятный.

«ДА ПРИДЕТ ЦАРСТВО ТВОЕ...»

«Да придет Царство Твое». Мы просим о том, чтобы Царство, которое уже здесь, близко, уже осуществимо, вошло в нашу жизнь, в нас, в мир,

где мы живем. Оно рядом, но подобно сокровищу, скрытому в земле. Человек должен просить о том, чтобы его найти. Это Царство направлено к нам, оно для нас, оно нам уготовано, но не может прийти, если мы сами не захотим. Нужны наша воля, наш личный выбор. Человек должен деятельно стремиться к Царству. И поэтому Господь говорит нам: молитесь «Да придет Царствие Твое...».

Прошение «Да придет Царство Твое» дополняется молитвой «да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли» — это все та же особенность библейской поэзии: прошение, изложенное в первой части двустишия, раскрывается во второй. Таким образом Царство Небесное входит в нашу жизнь, если воля Божия совершается здесь, на земле, как на небе.

«ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ...»

Выражение «хлеб наш насущный» также спрятано от возможного искажения внутри сложной и почти непонятной формы.

«Каждый день» мы просим подавать нам хлеб в Евангелии от Луки, «сегодня» — в Евангелии от Матфея. Вот в чем разница двух этих вариантов. Евангелие от Матфея больше сосредоточено на сегодняшнем дне, Евангелие от Луки — на жизни вообще.

Что значит «насущный»? По-русски, как и по-гречески (эпι'у'сιος), слово это непонятно. То ли это просто хлеб на сегодняшний день, то ли тот хлеб, о котором говорится в книге Притчей Соломоновых: «Нищеты и богатства не давай мне, питай меня насущным хлебом, дабы, пресытившись, я не отрекся Тебя и не сказал: «кто Господь?» и чтобы, обеднев, не стал красть и употреблять имя Бога моего всуе» (Притч. 30:8 — 9). Здесь говорится о среднем пути, который не приводит

Иисус не просит прощать меня в общем, потому что это легко. Он просит прощения каждого конкретного должника моего. Это очень трудно, но необходимо, чтобы стать христианином

ни к бедности, ни к богатству. Разбогатев, человек может забыть о Боге, а обеднев, пойти по пути воровства; поэтому — дай мне то, что нужно,— хлеба, но не больше. Таково первое толкование выражения «хлеб насущный».

Но есть и другое толкование: дай хлеба, необходимого мне, и еще немного, на тот случай, если кто-то придет: чтобы у меня было, что ему дать,— т.е. «дай нам». Это толкование не менее удачно. К тому же, оно объясняет наличие префикса эпи («на-» или «над-») в слове «насущный».

Есть и третье толкование: дай мне хлеба не только на сегодня, но и на завтрашнее утро.

Наконец, быть может, здесь говорится не просто о хлебе сущем, а насущном, находящемся над бытием. Тогда это Хлеб евхаристический — Тело Христово. И это толкование не менее убедительно.

Священник во время проскомидии, вырезая из просфоры часть, которая затем будет освящена и станет Телом Христовым, раздает после службы срезанные края прихожанам. Эти частицы агничной просфоры (так называемый антидор), хотя и не были преложены во время Евхаристии, тоже принимаются ими как святыни. В сущности, как антидор может восприниматься всякий кусок хлеба, ибо он испечен из того же зерна, из той же муки, что и хлеб, взятый для совершения таинства евхаристии. Не из скромости и не по причине крайней нищеты сушили в деревнях сухари, а именно потому, что считалось грехом, если хлеб пропадет. В любом куске хлеба верующему человеку видится напоминание о Тайной Вечери, о том Хлебе, который взял в руки и благословил Иисус.

Таким образом, не до конца понятное слово «насущный» оказывается удивительно многозначным.

«ДОЛГИ НАШИ...»

«И остави нам долги наши, как мы оставили должникам нашим» — именно так выглядит текст этого прошения в древнейших рукописях IV века. Глагол «оставить» стоит здесь в прошедшем времени. Значит, Иисус говорит нам о том, что Бог только в том случае оставит наши долги, если мы уже простили нашим ближним. «Прости ближнему твоему обиду,— говорит Сиrah,— и тогда по молитве твоей отпустятся грехи твои» (Сир. 28:2). В библейском тексте употреблен страдательный залог, слова «отпустятся грехи» указывают на то, что отпустит грехи Сам Бог, и никто другой.

В Евангелии от Луки об этом же сказано по-другому и глагол «прощать» стоит в настоящем времени: «И прости нам грехи наши, ибо и мы сами прощаем всякому, кто должен нам».

Иисус не просит прощать меня в общем, потому что это легко. Он просит простить каждого конкретного должника моего. Это очень трудно, но необходимо, чтобы стать христианином. Из других мест Писания понятно, что простить того, кто рядом,— это основа основ христианства.

Когда у мудрого раввина по имени Осия бен Ехуда спросили, сколько раз следует прощать, то он ответил: «Если человек оскорбил тебя один раз, его прощают, если оскорбил во второй раз, его прощают, его прощают и в третий раз, а в четвертый — не прощают». О том же апостол Петр спросил Иисуса: «Сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз?» Осия бен Ехуда предлагал прощать три раза. Петр называет бесконечно большое, с его точки зрения, число — не просто вдвое больше, чем предлагал ученый раввин, но еще и сверх того — плюс один раз. А Христос отвечает: «Не говорю тебе: до семи, но до седмижды семидесяти раз» (Мф. 18:22).

Конечно, чтобы простить кого-то 490 раз,— до этого нам еще предстоит расти и расти! Иисус показывает нам этими словами, что милосердие Божие не имеет ничего общего с нашей добротой, которая не более чем пародия на милосердие. Как не задуматься над этим? Это очень важный, сердцевинный момент для нашей веры.

После слов «Прости ближнему твоему обиду» Сиrah говорит: «Человек питает гнев к человеку, а у Господа просит прощения. К подобному себе человеку не имеет милосердия и молится о грехах своих» (Сир. 28:3 — 4). Вероятно, размышляя именно над этими словами Сираха, святой апостол Иоанн воскликнул: «Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» (1 Ин. 4:20). Сиrah сравнивает злобу с огнем и говорит о том, что искра, если на нее подуть, разгорится в пламя, а если на нее плюнуть — потухнет. Плюнуть на искру злобы нашей, тушить в себе злобу в зародыше, не давать ей разгораться — вот задача для верующего.

«И НЕ ВВЕДИ НАС ВО ИСКУШЕНИЕ...»

«Не введи нас во искушение», — сказано в молитве «Отче наш». С другой стороны, в Послании Иакова написано: «Блажен человек, который переносит искушение; потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его» (Иак. 1:12). Человек искушается подобно тому, как испытывается серебро. Об этом постоянно говорится в Ветхом Завете. И вдруг — «не введи нас во искушение». Как согласовать эти слова с тем, что мы знаем из других мест Священного Писания, где прямо говорится, что Бог искушает, т.е. испытывает человека? Татиан, один

из древних церковных писателей, приводит такую логию Иисуса: кто не был искушаем, не может войти в Царство Небесное. Так как же понять «и не введи нас во искушение»?

Даже самый лучший переводчик иногда ошибается. Причем ошибка такого блестящего и святого переводчика, каким был блаженный Иероним, на труд которого столетиями смотрели как на образец, значительно страшнее, чем ошибка переводчика рядового. Ошибка эта состоит в том, что слово *исфера* он перевел как «вводить» (*induco*), тогда как на самом деле оно значит «ввергать». Здесь надо бы сказать «не ввергни, не брось нас во искушение», «не ввергни в пучину искушений, которые нам не по силам».

В этом значении слово *исфера* употребляется в псалмах, когда говорится о водовороте, затягивающем человека. Не втягивай нас в нутро водоворота, но избави нас от лукавого (от искушителя). Спаси от того зла, которое действует в мире и засасывает нас в трясину. Это третье сложное место в молитве «Отче наш», небольшой по объему, но оказавшейся такой трудной и сложной для понимания. Потому ее нужно не просто выучить наизусть. Ее нужно согреть сердцем, она должна прорости из него. Эту молитву нужно прожить — тогда мы станем христианами.

Молитва «Отче наш» не может не быть трудной. Если бы она была простой, мы бы ее быстро и легко забыли, как забываются стихи средних поэтов. Молитва «Отче наш» потому и звучит до сих пор так же пронзительно, как звучала в тот день, когда в Нагорной проповеди Иисус впервые предложил ее людям, что в ней так много сложного. И когда мы ее проживаем,— а каждый христианин проживает эту молитву,— мы становимся и богословами, и настоящими христианами ■

Фото: архимандрит Симон (Новиков)

ПРЕПОДОБНЫЙ АРСЕНИЙ ТРУДОЛЮБИВЫЙ

О житии преподобного Арсения сохранилось немного сведений. Дата и место его рождения неизвестны. Лишь по итогам исследований архиепископа Филарета (Гумилевского) было сделано предположение, что святой подвизался в Киево-Печерском монастыре в период между концом XIII и серединой XV века.

В верхней части доски, закрывавшей моши святого Арсения, сообщалось: «Преподобный Арсений трудолюбивый никогда же являшеся празден, но всегда или моляшеся, или послушание делаше монастырское, хлеба не вкушаше, разве по захождении солнца. Ныне же в свете немерцающем видения лица Божия наслаждается». Эта доска хранилась в Лавре до 1941 года. На нижней ее части помещалось изображение преподобного,

а в середине было вырезано небольшое окно, чтобы можно было приложиться к святым мощам.

Местная канонизация угодника Божия состоялась при наместничестве архим. Варлаама (Ясинского) (1684 – 1690). Тогда же, вероятно, была составлена «Служба преподобных отцов Печерских, ихже нетленныя моши в Дальней пещере почивают», где преподобному Арсению посвящен 4-й тропарь 4-й песни канона, в котором святой прославляется как «трудолюбцем образ» и стяжавший «дар чудотворения».

Память трудолюбивого подвижника празднуется 21 мая, в день преподобного Арсения Великого (IV – V век) ■

ВОСПОМИНАНИЯ ПРОФЕССОРА НИКОДИМОВА

В 1918 году в Киево-Печерской Лавре поселился профессор Иван Николаевич Никодимов. Будучи юрисконсультом монастыря, он как никто другой был знаком с хозяйственной деятельностью обители, ее управлением, защитой интересов и борьбой за существование в тяжелое советское время. Проживая здесь вплоть до 1943 года, Иван Николаевич составил подробные записи всего, что происходило в этот период. Эти важные воспоминания профессора журнал «Печерский Благовестник» продолжает публиковать в своих изданиях

ДУХОВНОЕ ТОРЖЕСТВО УСПЕНИЯ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Самым большим церковным торжеством в Лавре был день Успения Божией Матери 28 августа. К этому дню за многие тысячи километров из Сибири, с Кавказа и из других отдаленных частей России стекались огромные массы богомольцев. Шли поодиночке, шли и организованно, партиями, иногда с крестным ходом во главе со своим духовенством. Шли поклониться чудотворной иконе, неся в своих сердцах радость, а больше скорбы, печаль и слезы, но неизменно — моления, надежды и горячую веру. И все эти чувства заставляли людей в течение месяцев проходить многие километры трудного пути, чтобы затем принять участие в великом торжестве и помолиться вместе с тысячами других. Запыленные, загорелые, но бодрые духом, они располагались в монастырских гостиницах, в деревянных галереях на Пещерах, а то и просто на открытом воздухе, но всегда в стенах Лавры, чтобы таким образом быть ближе к цели путешествия, дорогой святыне. Но когда Лавра перешла в руки созданной большевиками так называемой Живой церкви и на-

ступил праздник Успения, группы паломников, узнав при приближении к Лавре о совершившихся переменах, останавливались перед обителю, молились на нее и возвращались вспять.

Накануне Успения праздновалась память преподобного Феодосия. Таким образом великое торжество усугублялось. Еще задолго до Успения вся Лавра, а особенно лаврский двор перед собором, представляли собой как бы огромный лагерь людей в разнообразных уборах: здесь были и серые армяки русских крестьян и колоритные наряды украинцев, а особенно украинок, и белые косынки, и цветные платки, и модные дамские шляпы, и офицерские эполеты, и скромный подрясник издалека пришедшего послушника. Среди этого множества выделялись группы монахинь. Обыкновенно они сопровождали приехавшую на богомолье игуменю своего монастыря. Игуменья шла с посохом, на груди у нее висел крест. Все монахини были в рясах и черных «апостольниках», из-под которых, однако, выглядывали праздничные, белого цвета косынки. Море голов колыхалось самыми разнообразными, пестрыми волнами, самыми яркими красками. В воздухе

стоял сдержанный, ради святости места, гомон. Звуки сливались как бы в одно гуденье. Однако среди них выделялись своеобразные, обращающие на себя внимание. Это было исполнение слепцами-лирниками старинных песнопений на библейские темы под аккомпанемент бандур, народных цитр, сопилок, лир, а то и переносных фисгармоний. Встречались большие знатоки старинных мелодий. Их своеобразная спокойная, монотонная, но весьма гармоничная песня, полная трогательного содержания и задушевности, оставалась надолго в памяти. Вот народ толпится около ларька с иконами, духовной литературой. Кто желал сделать покупку в больших размерах, тот направлялся в иконные магазины. Там находил он и ладан, и свечи, и масло, и лампады, и тонкой ювелирной работы крестики из драгоценных металлов, и олеографии видов Лавры, и прекрасные работы лаврской живописной мастерской, и облачения, и плащаницы, и целые иконостасы. Дальше располагались хлебные и просфорные ларьки, откуда несся привлекательный аромат свежевыпеченного лаврского хлеба и просфор. Последние продаются начиная с размеров в грецкий орех и кончая колоссальной величиной в несколько фунтов весом.

Часовая стрелка продвигается к шести часам. В ряде лаврских церквей уже происходит торжественное предпраздничное богослужение, однако, в Великой церкви, где должно состояться всенощное бдение, пока тишина. Храм еще с утра набит богомольцами, заранее занявшими места. Все, кто остался на дворе, а таких, естественно, большинство, слушали богослужение и молились под открытым небом. Вот лаврские куранты мелодично проигрывают четыре раза гамму, бой часов и вместе с последним звуком их раздался мощный, густой удар большого лаврского колокола. Много эпитетов можно было бы приложить к лаврскому звону: это был бархатный, и мелодичный, и величественный, и необыкновенной силы звон. Он сливался в один беспрерывный звук, гул, в котором нельзя было различать отдельных ударов, а слышались лишь волны звуков. Своей могучей музыкой он доставлял неизъяснимое эстетическое удовольствие.

С первым ударом колокола вся масса богомольцев заколыхалась. Кто сидел, встал; пение прекратилось. Все стали набожно креститься. В это же время со стороны Великой церкви по направлению к митрополичьим покоям по широким

разостланым красным суконным дорожкам двигалась процессия духовенства для «великой встречи» митрополита. Через несколько минут эта же процессия, но уже возглавляемая митрополитом, прошла обратно. В Великой церкви, среди массы возженных восковых свечей, в клубах душистого афонского фимиама, с поднятым орапарем, архи-диакон провозглашал свое мощное «Благослови, Высокопреосвященнейший Владыко»... Беспрерывно до часу ночи шла служба, и многочисленный народ в духовном экстазе незаметно для себя простоявал всю службу до конца, и не только те, которым посчастливилось пройти в церковь, но и те, которые стояли во дворе и лишь урывками слышали богослужение. Центральным пунктом служения являлось погребение Божией Матери, которое состояло из чтений и умилительных музыкальных песнопений лаврского распева. Несколько духовных песен выполняли лучшие голоса посредине храма. Все стояли со свечами, паникадила горели множеством огней. При общем пении чудотворную икону опускали с ее места над иконостасом. На ней была надета знаменитая бриллиантовая риза, горящая при блеске свечей множеством искр и огней. Все опускались на колени в горячей молитве. Даже во время канфизмы, когда обыкновенно многие выходят из храма, в этот день никакого движения заметить было нельзя: все стояли сосредоточенно на своих местах. Даже ночью в этот раз жизнь в Киево-Печерской Лавре не замирала совсем, так как разговоры и пение богомольцев не прекращались до рассвета.

На следующий день утром торжество начиналось рано, в половине шестого, служением литургии в нескольких церквях. Однако, опять-таки, главное торжество начиналось несколько позже. В восемь часов митрополит в сопровождении сонма духовенства и множества народа под могучий звон всех лаврских колоколов совершил крестный ход вокруг лаврской стены. Это было грандиозное и впечатляющее зрелище. На углах лаврской стены крестный ход останавливался для совершения краткого богослужения и чтения Евангелия. После крестного хода и водоосвящения в Великой церкви совершалась митрополичьим служением поздняя литургия. В это время на широком лаврском дворе, под густыми сводами каштанов расставляли длинные столы и скамьи. Столы покрывали холщевыми скатертями. Множество богомольцев садились за них. Каждому давали деревянную ложку и большой кусок ароматного лаврского хлеба. Так Лавра, следуя заветам преподобных основателей монастыря, устраивала праздничный обед для всех странников и богомольцев. Эта традиция общей братской трапезы, пришедшая из седых времен, свято соблюдалась братией монастыря даже в самые тяжелые для Лавры годы. Под звон лаврских колоколов в сопровождении сонма духовенства из Великой церкви выходит митрополит. Народ застыл в ожидании. Митрополит благословляет трапезу. Сразу после благословения множество послушников и монахов устремляется из лаврской кухни с большими деревянными мисками, наполненными монастырским борщом, дымящимися на свежем воздухе. Рядами за столом расположились богомольцы. Тени каштанов бросают блики на разнообразные краски платков и одеяний. После длинного молитвенного бдения люди устали и проголодались. Многие говели, соблюдали Успенский пост. С аппетитом вкушался монастырский борщ, за ним в прежнее время следовали рыбный суп и каша.

Гостеприимные монахи угощают и приносят щедрой рукой все новые порции. От чашек исходит ароматный запах рыбы и жареного подсолнечного масла. Митрополит после службы отправляется в свои покоя. Обыкновенно в этот день у него собиралась на обед высшая лаврская братия, духовенство и приглашенные светские лица. Позже, когда в Лавре не стало митрополита, в эти праздничные дни обед устраивал наместник Лавры. В лаврской трапезной происходило

угощение братии. Торжественноправляла эти праздники Лавра. Еще три дня продолжалось духовное торжество. Постепенно богомольцы расходились по другим монастырям и на поклонение святыням, а кто собирался и домой. Однако долго еще в жизни Лавры чувствовалось праздничное оживление.

БЕСПРЕРЫВНО ДО ЧАСУ НОЧИ ШЛА СЛУЖБА... И ДАЖЕ НОЧЬЮ В ЭТЫЙ ДЕНЬ ЖИЗНЬ В ЛАВРЕ НЕ ЗАМИРАЛА СОВСЕМ, ТАК КАК РАЗГОВОРЫ И ПЕНИЕ БОГОМОЛЬЦЕВ НЕ ПРЕКРАЩАЛИСЬ ДО РАССВЕТА

А вот как описал это же празднество, только полувеком ранее, протоиерей Петр Лебединцев: «Во время всенощной праздника Успения Божией Матери, совершаемой священноархимандритом лавры — митрополитом, поются погребальные статьи из 17-й кафизмы со стихами в честь Божией Матери; при начале каждой статьи бывает каденция по всей церкви, а по окончании — малая ектения, как бывает в Великую Субботу над Плащаницей. По 6-й песни канона перед иконой Успения Божией Матери, спускаемой вниз, при растворенных царских вратах совершается чтение акафиста Успению Божией Матери. Всенощная эта, начинаяющаяся накануне праздника в 6 часов вечера, оканчивается в час ночи. В самый праздник перед поздней Литургией, после водоосвящения, совершается крестный ход вокруг Лавры, который выступает из Лавры северными или экономическими воротами, и обходя ограду лаврскую мимо святых ворот и лаврской гостиницы, возвращается в Лавру нижними пещерными воротами; при чем перед каждыми воротами останавливаются для совершения литии и окропления св. водою стен Лавры и народа. По окончании крестного хода начинается в Великой лаврской церкви Литургия, совершаемая в этот день большим собором священнослужащих, при участии двух или трех архиереев. После обедни преосвященный митрополит киевский, по званию настоятеля Лавры, благословляет трапезу, устраиваемую на лаврском дворе для проходящего к празднику народа... На одной из таких трапез в 1837 году присутствовал император Николай Павлович; отведав сам приготовленную пищу и похвалив этот древний обычай, он выразил желание, чтобы святые обычаи предков соблюдались нерушимо и впредь» ■

ВЫ ДАЙТЕ ИМ ЕСТЬ

Статья из журнала КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ
«СВЕТ ПЕЧЕРСКИЙ» № 26 / 1915 год, 5 июля

(Мф. 14: 15-23)

Страшное ныне переживаем мы время. Оно страшно особенно для тех, кого постигли ужасы войны, чья земля опустошена, чьи разрушены дома, чье погибло от огня и меча все имущество. Эти несчастные люди, если сами не погибли в этом огне, оставили свою опустошенную землю и бегут к нам, в мирные места отечества нашего, ища приюта, пищи и покоя. Много теперь у нас их, этих несчастных беженцев из Польши и Галиции! Они, по большей части — женщины, старики и дети, наполняют наши города и видом своим возбуждают у нас вместе с состраданием и тревогу: не попустил бы Господь и нам стать в такое положение, не дал бы Господь и нас в обиду врагам нашим!

Теперь многих добрых людей заботит вопрос, как быть с этими беженцами, что с ними делать, как их приютить, как накормить, чем содержать? С нашей стороны было бы самое ужасное отношение к ним, если бы мы предоставили их своей собственной судьбе. Они, близкие нам по крови и по вере, при нашем равнодушии к ним, почувствуют себя у нас как в пустыне и, без нашего сочувствия, не доберутся ни до приюта, ни до покоя, ни до пропитания, хотя бы этих благ земных было много в мирных городах наших и селениях. Они бежали к нам в надежде на нас, на нашу любовь и милосердие. Они в нас и на нашей земле надеялись найти то, чего не имели или что потеряли в стране своей. И мы не можем оттолкнуть их, как не оттолкнул и Христос последовавших за Ним в пустыню людей. И мы не можем указать им самим себя устраивать, как сами знают. И мы, если в этом деле с наполняющими наши города беженцами станем пред Господом, то услышим от Господа то, что услышали Апостолы, когда указывали Христу в пустыне на народ: отпусти их, чтобы они пошли в селения и купили себе пищи. Господь скажет нам, как Апостолам: не нужно им идти, вы дайте им есть.

Но, Боже мой, теперь всем так трудно жить, так трудно всем добывать пропитание. Все силы и все средства тратятся на войну и на ближних наших воинов. Все дорожает и только бы нам самим хватило прожить. Можем ли мы и должны ли мы взять на себя, при таких тяжелых обстоятельствах нашей собственной жизни, еще и заботу о беженцах, о том, чтобы приютить их, накормить, успокоить?

Да, братие, это мы должны сделать, должны непременно сделать. Пусть нам самим тяжело, пусть этих несчастных беженцев будет слишком много, пусть нам кажется, что у нас для этого нет ни сил, ни средств, мы это должны сделать. И то, братие, что вы слышали сегодня в евангельском чтении, должно нас и руководить, и успокаивать.

В нашем добром деле беженцам мы сами не только не потерпим урона, но еще своим добрым делом для них приобретем и для себя немалую выгоду. Господь Иисус Христос, благословивший пять хлебов и пять тысяч ими насытивший, сотворит и с нами чудо в нашей нужде и в нашем добром деле. Каждый дом, который в своих стенах приютит беглецов, от Господа примет крепость и стояние. Каждый кусок хлеба, которым мы поделимся с беглецами, насытит их и нас, и еще останутся куски для будущего. Каждое слово ласки и привета, с которыми мы обратимся к ним и приласкаем их, возвратится к нам благодатным ответом и внесет в души наши радость и успокоение. Это будет поистине чудо насыщения пяти тысяч человек в пустыне, когда все ели и насытились пятью хлебами и двумя рыбами и еще набрали оставшихся кусков двенадцать коробов полных.

Недавно были по всей империи трехдневные сборы на всех пострадавших от войны. Много дали на это дело и богатые, и бедные, каждый по силе своей, и блажен тот, кто не затворил сердца своего и сокровищницы своей при этих сборах. Но нужда беженцев не меряется трехдневными сборами. Нужно собирать чаще и как можно больше. Ведь нужда растет все больше и больше. Вот приближается для нас время жатвы плодов, которые Господь уродил на нивах, в садах и огородах наших. Этими плодами мы обеспечим жизнь свою до нового урожая. Не забудем же при этих сборах для себя, для своей нужды, и беженцев наших и уделим им от того, что Господь нам послал. Не будем бояться того, что нам самим не хватит. Щедрою рукою и мерой полною и отрясенною отделим и отмерим всего и для них. Господь нам воздаст, Господь нам восполнит то, что мы отдали для них. Господь сотворит, если нужно, для нас чудо и умножит добро наше в домах наших и во всей стране нашей.

Как Господь сие сотворит, какими путями, это Ему одному ведомо, но нам ведомо и то, что милосердие и надеяние на Бога не посрамятся во веки. Были тысячи примеров этому прежде, будет этому пример и на нас.

Поток беженцев из дальних губерний, особенно близких к неприятельской земле, все больше и больше... Началась организоваться помочь беженцам — охотно, без возражений, без лишних фраз, потому что сердце каждого невольно раскрывалось пред такими страданиями этих людей и чувствовало в их отчаянном положении ту великую жертву, которую принесли они и за нашу жизнь, и за благополучие. Сознание общей современной опасности ясно встало перед умственным взором каждого. Ведь и с нами также зверски поступили бы озлобленные враги, если бы мы находились близко от них.

Некоторые из беженцев сбивчиво передают отдельные эпизоды и случаи из своей бедственной жизни. «Хаты наши сожгли, убили мужей, сыновей... Иным из родных глаза выкололи, языки отрезали, у женщин груди вырезали, младенцев к стенам гвоздями прибивали, целые семьи сожгли, запирая их в избах»... и тому подобное. Безмолвно, с меняющимся на лицах выражением удивления и негодования вслушиваются братья в эти страшные известия и слова. В другое время, кажется, они показались бы каким-то бредом, произведением болезненной фантазии, бессмысленным кошмаром тяжелого, нездорового сна, но в наши дни все это — страшная, неприкрашенная действительность! ■

Христос в Гефсиманском саду. Гофман Генрих Фердинанд. 1886 г.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ В ЖИЗНИ ИЕРОМОНАХА ФИЛИППА

Один выстрел в Сараево в июне 1914-го — и сразу все перевернулось. Изменилась и жизнь иеромонаха Филиппа (Ставицкого). Под его редакцией в Киево-Печерской Лавре еженедельно выпускается им же созданный церковно-народный журнал «Свет Печерский». Тысячными тиражами издание расходится по приходам почти что всей империи и служит для пастырей «незаменимым подспорьем в произнесении поучений и в ведении внебогослужебных собеседований». И теперь ему предстоит не просто освещать страшные военные события, но и писать обо всем этом при свете чистого христианства, стараясь не подменить божественную волю патриотическими стремлениями. А ведь сколько в простом народе было надежд — словно удар счастья в грудь, когда над всеми пролилось что-то небывалое. Столицу сербского королевства охватило всеобщее ликование, прохожие обнимались на улицах, поздравляя один другого: «Это наше право мстить Вене за свои унижения, за потерю Боснии и Герцеговины!». Всем поверилось, что сейчас все будет хорошо... Вот только мало кто догадывался, что на самом деле ожидало их впереди...

ГЕРМАНИЮ ИУДИТ

Не догадывались о предстоящих ужасах войны, забравшей у человечества почти десять миллионов жизней, и сами немцы. Они куда более были охвачены предчувствием успеха. Расчет на силу собственного оружия и не так давно разработанную тактику blitzkrieg только разогревали их внезапно проснувшиеся аппетиты. Могучая империя-хищница с высокоразвитой индустрией, с железной дисциплиной в быту, где слишком мало человеческого и слишком много бездушно-механического, поражала воображение мира своими пушками, броненосцами, вздымающимися под облака дирижаблями. Никто ведь особо и не скрывал, что всё это величие и богатство зиждутся на ограблении других народов. Взять хотя бы ту же контрибуцию в пять миллиардов франков с разгромленной в 1871 году Франции или продолжающуюся колонизацию Африки. Немцам вдруг поверилось, что «грабеж соседей законен и даже полезен для их здоровья». И уж совсем потеряв меру в своем насыщении, их генштаб приступил к разработке плана действий на два фронта сразу: за разгромом Франции должно последовать стремительное завоевание России. При этом важно было ударить как можно быстрее, пока русские не отошли от войны с японцами.

Тем временем в Киеве доносившийся запах войны со стороны спешно вооружавшейся Германии еще не воспринимался всерьез. Императорские дворы соединены родственными связями: разве пойдет брат на своего брата? Даже после сараевского покушения, в городе никто и усом не повел: «Какой-то гимназист-серб убил австрийского герцога... значит, тот заслужил! Нечего было назначать военные маневры под боком у сербов... Да и не повод же это для войны... Вон, не так давно, итальянец убил французского президента, но ведь франко-итальянской войны не возникло...».

Никто не верил, что война началась, даже когда австрийские пушки в конце июля обстреляли Белград. Не верил и Николай II, отправивший немецкому императору Вильгельму телеграмму, в которой умолял его помешать австрийцам «зайти слишком далеко». И лишь ответ Германии, с нотой, объявлявшей России войну, вмиг разрушил все мирные надежды. Да, все мы — братья, вот только бы разобраться, кто сейчас Каин, а кто Адиль.

На страницах «Света Печерского» разместили призыв помочь братскому народу: «Сербы — народ не чужой нам. Они одного с нами славянского племени и одной с нами православной веры... Когда-то турки пленили сербский народ. И быть бы им в турецкой неволе до веку, если бы русские люди, во исполнение своего христианского долга, не помогли им лет пятьдесят назад отбиться от турок и вновь образовать свое царство... С тех пор сербское царство стало — как дитя у великого нашего царства русского и, как дитя, оно всегда искало и ищет защиты и помощи у нас... Случилось так и теперь... Началась война и Бог нас рассудит с дерзкими и неправедными насильниками в этой войне...».

ПЕРВЫЕ «ЛАСТОЧКИ» ВОЙНЫ

«В начале любой войны первая ее жертва — правда». Всем почему-то казалось, что война надолго не затягивается и что капитуляция Австрии и Германии неизбежна. Находились даже сторонники войны с Германией, утверждавшие, что хорошая встряска «оздоровит наше большое общество, образумит и поставит все на места». По ту сторону сражения от подобных разжигающих призывов и вовсе было не спрятаться. Вот только, если в Вене во всем винили сербов, то в Берлине главными поджигателями войны объявили русских.

И вот уже тысячи русских людей, приехавших на лечение в Германию и даже не знаяших о войне, на себе почувствовали «горячие» объятия хозяев. Сначала немцы ударили их по карману, разменявав деньги по самому низкому курсу. Затем стали наносить на стены домов призывы «ловить русских шпионов». В конечном итоге дошли до того, что вместе с полицией начали вышвыривать приезжих на улицу. А тех, кто протестовал против издевательств или вступался за женщин, тут же пристреливали.

«Плохо знали мы этот дикий народ... — делился с читателями дошедшиими новостями иеромонах Филипп, — Гнусные насилия, бесчеловечные издевательства и страшные жестокости, которым подвергали немцы мирных граждан, беззащитных женщин и детей, военнопленных, — открыли нам не христианскую и даже не человеческую, а какую-то полузвериную душу немецкого народа. Теперь весь он, от императора Вильгельма и до последнего солдата, представляется нам каким-то чудовищем, кровожадным зверем, попирающим законы и Божеские, и человеческие. Они выдумали такую философию, которая научает их быть сверхчеловеками, проповедуют никого не бояться, всех презирать и все порабощать себе. Говорят, например, что Вильгельм на следующий день после причащения святых Таин, отправляя войска свои

против русских, обратился к ним, между прочим, с такими словами: «Идите и истребите их... И не берите пленных и раненых... пусть те, кто попадет в ваши руки, погибнут. Не давайте пощады и убивайте немедленно».

Все это можно было бы счесть за наглую выдумку, за преувеличение... Вот только немецкие писатели вместе с учеными призывали своих воинов буквально к тому же: не испытывать жалости к своим жертвам, беспощадно уничтожать не только людей, но разрушать даже храмы, взрывать динамитом памятники искусства, а потом, как писали немецкие философы, «мы создадим соборы и храмы более величественные, чтобы под их сводами прославить деяния нашего великого императора».

ЛЮБОВЬ К ВРАГАМ

Будто не замечая всей этой жестокости, о которой в Лавру сообщали и сами военные: что немцы «добивают раненых на поле сражения, подвергают пыткам захваченных в плен, стреляют в госпиталя и лазареты, защищенные Красным Крестом, разрушают нарочито бомбами старинные храмы и памятники искусства», редакция журнала неуклонно призывала к делам духовного утешения: «Христос любил и молился за врагов Своих, значит и мы так должны делать. Не хватает для этого у нас силы? Не будем смущаться и отвергать заповедь! Испросим себе силы у Подателя духовной благодатной силы, у Духа Святого... Христианскую любовь ко врагам мы смело, безбоязненно, можем применить и по отношению к воюющим с нами немцами. Если мы не выйдем за пределы необходимой борьбы со злом, если мы будем сражаться с немецкими воинами и с их пособниками, а не с мирными немецкими жителями, если мы не будем им чинить никакой бесполезной для войны обиды и притеснения, то мы уже взойдем на первую степень любви ко врагам, покажем, что у нас нет к ним чувства ненависти и злобы. Если же будем к тому милосердными к раненым, пленным и покоренным немцам, если будем защищать их и благотворить им, то этим покажем, что мы можем возвыситься и до полного христианского чувства любви к ним, любви ко врагам своим».

Высокие призывы не расходились с делами. Обитель как могла участвовала в жизни пленных гостей. А «их с начала войны в крепости возле Лавры проходили каждый день целые тысячи... Среди них по-прежнему много русских униатов (галичан). Не их вина, что были они во вражеском стане. Господь приводит их к нам, чтобы соединить с нами навеки. Не оттолкнем их холодностью и равнодушием своим. Скажем и им слово связующей нас во Христе любви. Архиереи и священники стали уже посещать их казармы. Пленные с благодарностью принимают святые крестики, образки, евангелия, молитвенники, духовные книги и назидательные листки». Под надзором одного-двух солдат они большими партиями посещают обитель: в пещерах поклоняются мощам святых угодников, в храмах возносят молитвы к Богу. К тому же «их трудом, за юго-восточной стеной странноприимницы строятся довольно обширные бараки для раненых. В своих синих и серых одеждах и кепках пленные усердно переворачивают и перевозят на тачках землю, выравнивая площадку возле колодцев преподобных отцов... По их словам, в плену они ожили душой и молят Господа, чтобы на земле воцарились правда и мир».

И уж совсем с точностью до наоборот, будто из самой преисподней, пришел «первый эшелон наших страдальцев-воинов военнопленных... Боже мой, что же представилось нашему взору, — пишет один из встречавших священников, — лица бледно-желтые, глаза ввалившиеся, взор тусклый и безжизненный; одеты все грязно... на ногах вместо сапогов ночные рваные туфли; некоторые

босиком. Из 245 человек... 160 были принесены на носилках, многие без рук и без ног. Большая часть страдает внутренними болезнями, нажитыми в плена тяжелыми зимними работами. По заявлению самих раненых, жизнь их протекала в сплошных страданиях, лишениях и изнурении голодом, например пол фунта соломенно-картофельного хлеба в сутки на человека, суп из заряженной вонючей соленой рыбы один раз в сутки, нередко с червями, и какая-то мутная, чуть тепленная вода, называемая "кофе". На заданный мною вопрос одному, лишенному всех пальцев на обеих руках и кончика носа, — когда и при каких обстоятельствах он ранен или ампутирован, — тот заплакавши горько, ответил: "Нет, я не ранен... Пригнали нас, 200 человек пленных, в ноябре месяце 1914 года, в один город; около холодных бараков раздели догола и гоняли по снегу 15 минут, при 15 градусах мороза; тогда я отморозил все пальцы и нос, а многие из товарищ умерли... В бараках, куда нас загнали палками, не было никаких нар: на мерзлую, холодную землю бросили 2 снопа соломы на 200 человек. Издевательству и мукам не было конца... Страшно изнурительные, нечеловеческие тяжелые работы: — впряжен в тяжелые плуги по 25 человек и пашут землю, погоняя прикладом или тесаком; здесь же несчастные гибнут сотнями... При прохождении в селах или местечках по улицам, все население буквально оплевывает лица, бьет камнями и бросает нечистотами"».

И разве в силе человек, без помощи свыше, выдержать давление таких жутких новостей, чтобы не отаться в руки лютой ненависти и, как и прежде, продолжать в немецких пленных видеть скорее гостей, чем объект для собственной мести? «Что, если пленные нам кажутся ничтожными только потому, — пытается разобраться в происходящем редакция журнала, — что мы не хотим присмотреться к ним, разглядеть их? Что, если, глядя на них, на их неинтересный для нас вид, мы думаем: может ли быть что доброе из Назарета? И вдруг свет истины ослепит нас, и вдруг за такое презрение не будет нам ни прощения, ни пощады?.. Во всяком народе и во всяком человеке есть что-нибудь и доброе, и злое. Подходите, братие, с любовью к человеку, чтобы принять от него доброе, а не злое».

БЛИЖЕ К МЕСТУ СРАЖЕНИЙ

И уже куда более чем о пленных, нужно было заботиться о своих воинах, тем более, когда армия столкнулась с большими потерями и когда у самих бойцов возник огромный запрос на духовное окормление. Надо было видеть, как солдаты с какой-то особенной порывистостью и радостью торопятся к священнику — исповедаться и причаститься: «Батюшка, дорогой, если бы знали, что значит после двух месяцев похода под непрерывный грохот орудий, визг снарядов и свист пуль услышать родные молитвенные звуки, вы бы поняли, почему мы плачем счастливыми слезами».

Отец Филипп не мог пройти мимо, да и как после такого откажешь в своем рядом с ними присутствии: «Простите и благословите мя, дорогие отцы и братия — читатели! С Божиим благословением я иду на поле брани послужить святому делу. Долго я крепился и сдерживал себя, но наконец ясно сознал, что мое место сейчас не здесь, не дома, а там, где мои братья несут тяжкий воинский подвиг, страдают и умирают. Если Господь сохранит меня целым и невредимым, значит, я еще нужен для Христовой Церкви; если же возьмет меня к Себе, послав смерть на поле брани, то велика Его милость ко мне грешному. Да будет на все святая Божия воля. Помолитесь же, дорогие братья, чтобы Господь помог мне терпеливо и с любовью понести до конца подъятый подвиг».

2 ноября 1914 года иеромонах Филипп отправился в путь. Он «повез с собою свою походную церковь и много евангелий, святых крестиков и образков, а также духовных книжечек и листовок для утешения и назидания больных и раненых воинов. Листки — это дар обители, а все остальное частью приобретено о. Филиппом на свои средства, а частью пожертвовано его друзьями».

Вместе с отцом Филиппом с Лавры на фронт для духовного окормления воинов ушли иеромонахи: о. Флавиан, о. Васой, о. Иассон, о. Феодосий, о. Феодот, о. Паисий, о. Вонифатий и о. Каллист. А в качестве запасных воинов в войска отправились около 150 человек послушников.

ПИСЬМА С ФРОНТА

Большая часть лаврских иеромонахов несла служение в полевых госпиталях, но были и те, кому доводилось часто находиться на передовых позициях, в окопах и там молиться вместе с солдатами, совершать краткие службы Божии, наставлять воинов, благословлять их в бой, а после боя спешить к раненым, помогать в перевязках, напутствовать умирающих и ночью хоронить убитых.

«Усерднейше прошу святых молитв, — пишет с фронта в родную обитель о. Флавиан, — они мне необходимы. Без помощи свыше жить долго нельзя под 16-дюймовыми снарядами... На новый год я причащал раненых и больных под выстрелами этих гигантов. Снаряды рвались вокруг и люди падали от одного свиста-шума, когда они летят, а особенно, когда через головы перелетают. И вот я причащал под таким страшным гулом 43 человека... Бомбы бывают по 40 пудов весу и такому снаряду стоит попасть в какой угодно дом, от него останется только один след. Вот почему я пишу вам, дорогие отцы, про все это, чтобы вы усугубили святые молитвы обо мне грешном. Я очень нуждаюсь в ваших молитвах. А если Господь судил мне не вернуться уже во святую Лавру, то прошу вас, запишите мое имя и отслужите панихиды. Пишу сие письмо под грохот страшных орудий... Я только что освятил воду. Около 400 человек войска стояли и пели Символ Веры и Отче наш. А два страшных снаряда очень близко разорвались возле нас. Стало очень страшно. Но я голос повысил, чтобы не показать, что боюсь и чтобы ободрить присутствующих. Умоляю вас, помолитесь за меня».

Все эти письма обычно становились общим достоянием всей братии: все вместе радовались радостным вестям и печалились скорбным. По поводу каждой новости братия усердно молила Господа: «Да усилится радость, да прекратится печаль».

«Сердечно вас благодарю за ваше благорасположение и святые молитвы, — пишет еще один лаврский иеромонах, — Радуюсь, что и мое грешное имя не забывается во святая святых в Лавре. Я только и живу воспоминаниями о ней... Да, вы правы, говоря: "кто на море не бывал, тот Богу не молился". Но я скажу больше: кто под 16-дюймовыми снарядами не бывал, тот и не молился... Меня Господь сподобил и быть, и молиться. Под громом их мысленно перенесешься к каждому гробу святых угодников Печерских, да молитвами их Господь сохранит от смерти».

«Очень жестокая война. Это не война, а какой-то ад кромешный. Никак нельзя описать всего того, что здесь приходится видеть и переживать. Целыми неделями подчас бывает ни до сна, ни до отдыха, ибо как тут уснуть или отдохнуть, когда день и ночь ревут пушки, трещат пулеметы и жужжат пули. Все-таки, несмотря на трудности и смертельную опасность, службу Божию почти всякий раз совершаю вблизи самых позиций, так что, вместо колоколов, очень часто над головами молящихся завывают бомбы... За каждым таким служением

бывает по 500 – 600 исповедников. За невозможностью исповедовать каждого в отдельности, я исповедываю всех желающих разом — общею исповедью... Приходилось служить и в униатских церквях. Галичане очень любят наше богослужение и пение и говорят: "дуже гарно, дуже красно". Народ здесь очень смиренный и крепко верующий. Настоящая война всё у них истребила, но они не падают духом и говорят: Господь дал, Он и взял! И терпят... Посмотришь на них, настоящие мученики и первых времен христиане..."

Много писем братия получали и от самих воинов, которые в общении со святой Лаврой и с ее святынями черпали свое мужество, терпение и утешение. Вот, например, что пишет ушедший на войну послушник Терентий: «Мы были в Венгрии, а теперь отступили в Галицию... Немцы сильно упрямые, напиваются водки и пьяные лезут напролом... Мы не поддаемся им и отражаем их своим оружием. На горах снег покернел от германских трупов... Мы бьемся ежедневно до кровавого пота, до смертельного удара, чтобы сохранить веру Христову до пришествия Христа... Враг думает, что у нас оружие — пушки да винтовки, а у нас сильнее этого духовное оружие, молитва да сила крестная... Благодарю за боголюбивую посыпку, в благословение от обители. Она крепко возрадовала меня, и я радовался, как на праздник».

А это уже письмо воина к знакомому в Лавре иноку: «Уведомляю вас, о. А., что я, по милости Божией, под покровом Царицы Небесной, жив и здоров. Благодарю вас за ваши святые молитвы... Многие наши братия-солдаты благословляются через чтение святых листовок, которые вы присыпаете из святой Лавры. Они нам служат вместо елея, которым мажется душа наша для отогревания нашего холодного каменного сердца».

Поучительные листовки, о коих идет речь, по большей части являлись оттисками статей из журнала «Свет Печерский». Их в большем количестве посыпала обитель в действующую армию по просьбе полковых священников и по просьбе самых же воинов. «Мы, — пишут в обитель солдаты, — при чтении этих листовок чувствуем, что действительно божественная сила сохраняет нас от страшного смертельного неприятельского оружия. С нами был один случай следующий. Когда мы получили ваши листки, то мы в это время были в передовых окопах, на позиции, и отбивали успешно неприятельские атаки частым огнем из ружей и пулеметов. После этого мало-по-малу стрельба у нас прекратилась и стихла. Мы собрались, несколько человек, в кружок, уселись и стали читать присланные ваши листки. Вдруг в окоп упала граната и с большой яростью разорвалась. Осколки засвистели около ушей наших, но самих нас Бог сохранил, и из нашей собравшейся кучки солдат никто не был ранен и не убит. После этого упала вторая граната и попала как раз на двух спящих солдат. Эта граната разорвала на мелкие кусочки одного солдата. Картина была весьма ужасная: в одном месте лежит нога, в другом — рука, а вокруг того места, где он спал, сажень на пять было разбросано все его тело мелкими кусочками...».

Благодарственные письма поступали и от генералов: «Вместе с подчиненными мне войсками... сердечно благодарим братию Лавры за призрение наших раненых и больных братьев-воинов и просим святых молитв ваших о том, чтобы Всевышний вразумил, укрепил и благословил нас всех».

ЛАВРСКОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО

«Как только началась война, святая Лавра предоставила все корпуса своей обширной гостиницы для воинов, со всех сторон собиравшихся в Киев, чтобы идти на поле брани. А ушли воины, эти же помещения обитель предоставила для воинских лазаретов. Кроме сего, обитель открыла еще в своей новой

больнице, только недавно построенной, временный госпиталь для 120 раненых... И вот тысячи раненых воинов под святым и теплым кровом обители, предательством преподобных Печерских, молитвами братии и искусством врачей находят от Господа ослабу, покой и исцеление своим ранам и болезням. Эти необычные лаврские гости являются великой веру, смирение и упование на Бога. Каждый день иеромонахи обходят всех больных, читают им правило, исповедуют и причащают их... Много приходит раненых и из других городских госпиталей, особенно в дни больших праздников, когда лаврскую странноприимницу навещает митрополичий хор под управлением отца Иадора. Так братия святой обители услаждает своих необычных, но дорогих гостей... Кто раз побывал среди раненых, тот знает, как неудержимо тянет снова вернуться к ним... Вот, где нужно учиться твердости в испытаниях: тяжкая рана, а он улыбается как ни в чем не бывало. Ни тени уныния, ни слова ропота; душевная красота и сила, какую редко встретишь в условиях обыденной жизни».

Вместе с тем раздавались призывы и к богомольцам: «Пред всеми нами стоит неотложный долг помочь раненым воинам перенести свои страдания, подкрепить их в надежде, утешить их в скорби, приблизить жаждущие уста их к Источнику вечной блаженной жизни, Господу Иисусу Христу. Будем жертвовать всем, кто что может и чем может: у кого нет денег — пусть жертвует вещами, провизией для лазаретов, бельем, чаем, сахаром, полезными книгами. Все Бог примет как свечу трудовую, как жертву от любящего сердца, как дело милосердия. Кто умеет, кто может — придите и послужите болящим ради Господа, посетите их, утешите доброю беседою, помолитесь, почитайте больному у постели его хорошую книжку. И не забудьте про его семейство, сделайте все, чтобы хотя бы на вашем приходе утереть всякую слезу солдатской семьи, чтобы не было ни одной из них нуждающейся в насущном хлебе, чтобы и Господь невидимо пребывал среди нас. О, как это облегчит воинские тяжкие страдания».

ЖИЗНЬ В ОБИТЕЛИ

Заботы о раненых забирали много сил, но, как и прежде, течение лаврской жизни ни в чем не отклонялось от устава преподобных отцов. «Во всех храмах совершаются все службы Божии. Тише стало только на дворах лаврских. Приезжих богомольцев мало. Война заняла всех. Обширные корпуса лаврской гостиницы, которые обычно занимались богомольцами, теперь заняты лазаретами для раненых. Но храмы не бывают пусты. Приходят молиться горожане, в большем количестве приходят и воины. Многие из них говеют. Молятся теперь люди особенно усердно... Когда читают ектении о помощи Божией во брани нашей с супостатом, с глубоким вздохом и усердием все осеняют себя крестным знамением, иные падают ниц и усердно кланяются Господу... Все в обители имеют утешение наблюдать живой прилив веры в народе. Особенно трогательно бывает видеть, как молятся юные офицеры, отправляющиеся на поле брани. Часто приходят они в обитель в сопровождении своих матерей, братьев и сестер. Есть из них только что поженившиеся. Служат они напутственные молебны. Горячие молитвы их сливаются со многими слезами...».

Дабы вселить людям здравые мысли и мужественные чувства добрым словом и назиданием в Лавре образовался проповеднический кружок. Он состоял из нескольких братий, имеющих способность и охоту к проповеданию слова Божия, и, по преимуществу, вел внебогослужебные беседы с богомольцами и воинами. Некоторые наставления проповедников появлялись на страницах «Света Печерского».

«Война — великая учительница. Это бич Божий, которым Господь гонит нас к добродетельной жизни... Раз мы войны не хотели, но она все-таки нам навязана, то причина ее единственная: это — попущение Божие за наши грехи... Ведь сколько грехов лежало на нас, на народе нашем, до настоящей войны: пьянство, несогласия, забастовки, буйство... И среди всей этой бездны грехов есть еще и такой грех, который почти никем не замечен, но о котором еще 26 лет тому назад предупреждал затворник Вышенский епископ Феофан: "Понравится западный писатель, и начнут его переводить... и уж все подряд и дуют... А у тех между добрыми приводятся и их неправославные воззрения.— Вообще говоря, жаль смотреть как у наших богословов... все немчурда немчурда.— Вот и пошлет за это на нас Господь немчурду, чтобы она пушками и штыками выбила из головы все немецкое (неправославное) мудрование". Вот это пророческое предчувствие святителя не мешало бы велегласно вос трубить во уши нашему духовному юношеству, а наипаче их наставникам».

«Будем будить себя, будем будить друг друга проснуться, прийти в себя, очувствовать и постом, слезами и покаянием очистить себя для жизни добродетельной, для подвигов добра, для жизни новой, лучшей».

«Быть может, ничего нам так не нужно в эти дни, как надежды и терпения.., нужно еще долго ждать конца этой тяжелой войны... Будем терпеливо ждать его, как ждал Симеон Христа Господня. Будем трудиться для этого постом и молитвою, не отступая от храма, как трудилась пророчица Анна. Будем готовы ко всяким лишениям и всяким страданиям, в ожидании спасительного конца, взирая на кроткий образ Матери Господней, все исполнявшей, все переносившей и много страдавшей».

НАДЕЖДА НА СОЮЗНИКОВ

Но ни рассказы раненых, ни письма фронтовиков в полной мере не передавали того накала и всего того ужаса, который витал на полях сражения. 1915 год был для армии крайне тяжелым. Всю свою мощь Германия запустила против восточного фронта. Собственно, на западном фронте потому и «без перемен», что вся сила удара легла на плечи сербских и русских воинов, постепенно из-за этого таящих. В начале войны русское командование сделало все, чтобы спасти честь Франции. Но когда на второй год сражения самим пришлось обратиться к союзникам за помощью, чтобы те предприняли наступление на западе и тем самым облегчили бы положение русской армии, погибающей в то время от нехватки вооружения, то в ответ лишь получали жалобы на трудности такого маневра.

Окопная тоска доводила до отчаяния простых солдат. Подсчитывая убитых, они то и дело вопрошали: «Когда же эта чехарда кончится?» и лишь руками разводили, слыша, какие призывы в это же время доносились с Киева: «Не слушай неразумных и вздорных речей о мире. Неси до конца возложенный на тебя Господом крест... нам не стоит говорить о мире, не предлагать и не прощать о нем врагов наших, а предписать его им, когда они будут побеждены». Да уж, легко переживать войну через газетные о ней корреспонденции.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ЭВАКУАЦИИ

Нависла угроза отступления. Немцам удалось создать непрерывный фронт — от Риги до Багдада. В сентябре 1915 года «по требованию военных властей, обитель должна, в указанный срок, вывезти все, что может представлять ценность в руках неприятеля... Итак, частью вывезено уже, а частью приготовлено к вывозу только все то, что можно вывезти без ущерба для молитвенных подвигов братии. Божественные службы совершились и совершаются во всех

лаврских церквях беспрерывно... Народ православный по-прежнему наполняет святую обитель... Замолкла работа только в типографии и мастерских. Да и то в типографии нашли возможность оставить небольшую машину для неотложных нужд обители и для печати "Света Печерского"».

«Что будет с обителью, если Господь попустит нашествие неприятеля на Киев? — пытались ответить в редакции лаврского журнала на частые вопрошания богомольцев,— Будет, конечно, то, что Бог даст и загадывать наперед не приходится. Но мы все же скажем. Конечно, выедут все, кому велит сделать это, по своему усмотрению, духовное начальство. Выедут братия призывного воинского возраста, чтобы не послужить против отечества своего врагу своему. Выедут, быть может, и те, кто в минуты смертной опасности не устоит перед лицом ее. Но старцы и во главе их один из старших архимандритов останутся, останутся и будут совершать службу Богу, пока Бог дает силы служить... Святая обитель не один раз в древности переживала нашествие иноплеменников, и Господь возводил ее из праха и собирал наследников ее из рассеяния. Так верим, будет и на сей раз, если Господь попустит разорение обители».

СВЕТ ВО ТЬМЕ

Подходила к концу военная служба отца Филиппа. Целый год, пока его не назначили ректором духовной семинарии в Нью-Йорке, он трудился в госпиталях и лазаретах Могилева, исполняя здесь обязанность гарнизонного благочинного.

За плечами ни с чем не сравнимый опыт сплошь занятого времени: не только всего дня, но часто и ночи напролет. Необходимо было присесть около каждого раненого и уделить ему хоть несколько минут внимания. Говорить приходилось обо всем,— и о делах веры, и о делах семейных, причем тут же диктовались письма на родину, распоряжения по семейным делам, духовные завещания. «Многие совершенно возродились,— пишет он в одном из писем в обитель,— стали иными, новыми, добрыми. Тлевшая под греховным мусором Божья искра вспыхнула и загорелась ярким, небесным огоньком. Вот оно сокровище! Оно, оказывается, в нас, в нашей душе, а мы его и не замечали. Жизнь в добродетели, для Бога, для неба оказалась такой блаженной, дающей столько радости, что прежняя жизнь в сравнении с нею кажется чем-то ужасно противным и омерзительным... Возвращаюсь я к себе уже поздним вечером и хотя чувствую усталость после богослужения и долгого напряжения при исповеди, но зато легко и радостно на душе. Я иду и думаю: конечно, война, а особенно настоящая — великое зло... Много крови, много слез и страданий... Но зато сколько теперь спасающихся и спасенных уже... Вот эти души, которые сейчас я принимал в свою душу, разве это не искусленные кровью, слезами, страданиями и подвигом многим?...».

Видимо, об этой же надежде, подводя итог своим размышлениям о войне, говорил и отец Александр Шмеман: «Люди веками спорят и даже льют кровь, и все равно нет выхода из их разногласий. Мы не переспорим мир одними доказательствами, и если мы победим его, то только той радостью, какую дает нам наша вера и вся особенность которой как раз в том, что никто и ничто, ни люди, ни страдания, ни сама смерть не могут ее от нас отнять».

... «В первый день Пасхи в лаврской столовой несколько пленных галичан запели стройно и красиво: "Христос Воскрес из мертвых". Все пленные славяне, как одни человек встали и, обнажив головы, слушали. У многих на глазах блестели слезы. Некоторые, не выдержав, припали к столам и рыдали. Иные подходили друг к другу, обнимались и целовались, поздравляя со Светлым Христовым Воскресением» ■

ЧЕХОВ И ВЕРА, ЗАМЕТНАЯ РАЗВЕЧТОЛУНЕ

Всякий раз, пытаясь представить жизненный путь Чехова в виде эскиза из немногих, но предельно емких слов, невольно сталкиваешься с им же самим созданным сюжетом: «молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и Богу, и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества — этот молодой человек по каплям выдавливает из себя раба и, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая».

За каждой фразой этой миниатюры скрываются различные повороты судьбы: и те, порой слишком темные, ее улочки, которых в жизни писателя было немало, и те яркие, полные труда и бескорыстной отзывчивости, которые привели его не только к литературной славе, но и к заслуженному званию совести нации.

В ПЛЕНУ ОТЦОВСКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Все началось с Таганрога — портового городка на берегу Азовского моря, где в 60-е годы XIX века в одноэтажном доме проживало семейство Чеховых. Дисциплина была суровой. Как только появлялся глава семейства, дети затихали и разбегались. А как иначе? Рука тяжелая, доставалось даже за самую невинную шалость. Антон не стал исключением: «Я помню, отец начал учить меня, или, попросту говоря, бить, когда мне не было еще пяти лет. Он сек меня розгами, драл за уши, бил по голове, и я, просыпаясь, каждое утро думал прежде всего: будут ли сегодня драть меня?».

Такая строгость Павла Егоровича к детям едва ли удивила бы его современников. Он скорее выделялся страстью к благочестию, при том такой неистовой, что ей могли бы позавидовать даже фарисеи. Прихожане и клир кафедрального собора, где он, одно время, руководил хором, напрасно пытались убедить его не затягивать богослужение до бесконечности и не превращать его, тем самым, в покаянное самобичевание. Слепая уверенность в собственной правоте лишь усиливала неуступчивость Павла Егоровича: когда его увольняли, он находил себе новое место; когда не выдерживали нервы хористок, — ставил на их место своих сыновей. И даже то, что мальчики не отличались достаточным музыкальным талантом, не останавливало его пыла, наоборот, лишь увеличивало время истязающих репетиций.

В итоге, пение в церковном хоре превратилось для братьев в сплошную пытку. И хотя прихожане умилялись, глядя, как Антон, Коля и Александр коленопреклоненно посреди храма исполняли очередное песнопение, мальчикам было не до благолепия. Антон вспоминал, что они чувствовали себя «маленькими каторжниками» и, стоя на коленях, больше беспокоились о том, как бы публика не увидела их дырявые подошвы.

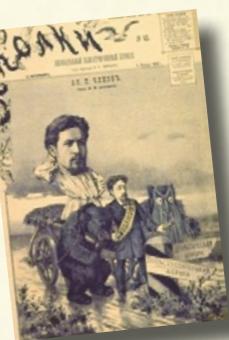
ШКОЛА И ГИМНАЗИЯ

Приходская школа при церкви святых Константина и Елены не стала облегчением Антоновых страданий. Наоборот, заведение только и славилось, что «палочной» дисциплиной. Преподавание здесь велось в общей комнате с пятью классами одновременно, поэтому старшим воспитанникам приходилось и проверять уроки у младших, и наказывать провинившихся учеников. Все это происходило в присутствии учителя, который, зачастую, сам придумывал наказания, например, привязывал провинившегося к стремянке и заставлял одноклассников плевать в него.

Стоит ли после этого удивляться, каким жутким развлечениям предавался Антон в свое свободное время: «он наведывался на кладбище, лазил по голубятням, ловил щеглов, стрелял по скворцам и, подавляя в себе жалость, слушал по ночам крики раненых птиц».

На этом фоне поступление в гимназию будто прорубило окно в новый свет. Телесные наказания здесь были запрещены. И уж чем-то совершенно небывалымказалось тут поведение преподавателя Закона Божия протоиерея Федора Покровского. Он часто заступался за ребят перед инспекцией, а на своих занятиях мог немного отвлечься от катехизиса, чтобы рассказать о Гете, Шекспире, Пушкине. Именно отцу Федору Антон обязан своим первым шагам в литературе: «умению понимать живое слово и облекать его в изящную форму».

Примерно в это же время Антон открыл для себя театр. Местная труппа также благотворно повлияла на его душу, вот только времени посещать ее спектакли практически не было — после уроков Антона ждала работа в семейной торговой лавке.

Доходами из этого магазинчика жила семья, впрочем, как такового, заработка-то и не было. Купцом Павел Егорович был, мягко говоря, неудачным. Скупость и благочестие каким-то удивительным образом сплетались в его характере. Клиентов отпугивало не только его страстное желание наставить всех на путь истины, но и гигиена, которой хозяин заведения откровенно пренебрегал. Он, например, «уверял сыновей, что мухи очищают воздух». А когда в бочке с оливковым маслом обнаружилась дохлая крыса, пропавший товар решено было освятить и, как ни в чем не бывало, выставить на прилавок. Не помогали и хитрости помельче, вроде продажи высушенного и подкрашенного спитого чая. В итоге, во избежание долговой тюрьмы из-за накопившихся кредитов, Павлу Егоровичу пришлось покинуть Таганрог и поселиться в Москве, где к тому времени уже обучались старшие сыновья Александр и Коля.

С тех пор все обязанности главы семейства легли на плечи Антона. В свои шестнадцать лет ему приходилось улаживать дела с кредиторами, давать частные уроки ради хоть какого-то, но все же заработка, ко всему прочему нужно было заботиться о постоянно выбивающейся из сил матери, ставить на ноги младших брата и сестру, попутно не забывая и про собственное образование. И вот уж парадокс — задавленный долгами и обстоятельствами Антон стал лучше учиться, его стараниями в гимназии продолжал выпускаться рукописный журнал «Заика». Будто воспряя от жуткого сна, он еще с большим увлечением отдается театру, сочиняет свои первые пьесы, много читает, не забывает о музыке и даже находит время для нового увлечения — танцев.

Ну и, пожалуй, самое главное: пережив весь тот «деспотизм и ложь, [которые] исковеркали детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать. [И] те ужас и отвращение, когда отец за обедом поднимал бунт из-за пересоленного супа или ругал мать дурой», Антон, в отличие от старшего брата, не поддался, казалось бы, справедливой в таких обстоятельствах слабости Хама — восстать против отца. Напротив, даже замечая за собой черты отцовского упрямства и обидчивости, он до конца оставался верным пятой заповеди: «Отец и мать единственные для меня люди на всем земном шаре, для которых я ничего никогда не пожалею. Если я буду высоко стоять, то это дело их рук, славные они люди, и одно безграничное их детолюбие ставит их выше всяких похвал, закрывает собой все их недостатки».

ЖЕНА-МЕДИЦИНА

Вот любовь к родителям! Наперекор своим литературным увлечениям, а ведь некоторые его сценки и стихи к тому времени уже печатались в московском журнале «Будильник», Антон без капли упрека подчинился родительскому благословению: «Антоша! Когда кончишь учение в Таганрогской гимназии, то непременно поступай на медицинский факультет, на что мы тебя благословляем». «Непременно по медицинскому факультету иди,— вторит совету мужа Евгения Яковлевна,— уважь меня, [это] самое лучшее занятие».

И вот уже новая жизнь — годы обучения на медицинском факультете Московского университета. Здесь Антон изучает неорганическую химию, физику, ботанику, богословие, испытывает себя на прочность в анатомических театрах... И лишь в промежутках украденного медицинской времени сполна отдается литературе. «Бывало,— рассказывала Евгения Яковлевна,— Антоша сидит утром за чаем и вдруг задумается, смотрит иногда прямо в глаза, а я знаю, что он уж ничего не видит. Потом достанет из кармана книжку и пишет быстро-быстро. И опять задумается...». В то время он писал очень много и очень быстро, иногда по рассказу в день. Однако местные редакции

журналов молодого писателя не баловали и из всего им написанного в лучшем случае принимали лишь половину.

И все же медицина была в приоритете. Она забирала гораздо больше времени и не без оснований сулила карьеру прекрасного врача. «Доктора отзывались о нем, как о чрезвычайно вдумчивом наблюдателе и находчивом, проницательном диагносте... Он видел и слышал в человеке — в его лице, голосе, походке — то, что ускользало от глаза среднего наблюдателя». Да и сам Чехов более всего гордился своими медицинскими познаниями, связывал с медициной свое будущее, в шутку называя ее женой, а литературу — любовницей.

ПИСАТЕЛЬСКИЙ ПУТЬ

Вот только литературе с такой ролью согласиться было сложно. Первым вступил за нее Григорович: «Милостивый государь Антон Павлович, ... Мне минуло уже 65 лет; но я сохранил еще столько любви к литературе, с такой горячностью слежу за ее успехом, так радуюсь всегда, когда встречаю в ней что-нибудь живое, даровитое, что не мог — как видите — утерпеть и протягиваю Вам обе руки... Вы, я уверен, призваны к тому, чтобы написать несколько превосходных, истинно художественных произведений. Вы совершите великий нравственный грех, если не оправдаете таких ожиданий. Для этого вот что нужно: уважение к таланту, который дается так редко. Бросьте срочную работу. Я не знаю Ваших средств; если у Вас их мало, голодайте лучше, как мы в свое время голодали, поберегите Ваши впечатления для труда обдуманного, обделанного, писанного не в один присест, но писанного в счастливые часы внутреннего настроения. Один такой труд будет во сто раз выше оценен сотни прекрасных рассказов, разбросанных в разное время по газетам; Вы сразу возьмете приз и станете на видную точку в глазах чутких людей и затем всей читающей публики...».

А вот уже и сам Лев Толстой не оставляет без внимания молодого писателя и дает ему высокую оценку: «Чехов — это Пушкин в прозе... Он несравненный художник. Да, да, именно: несравненный художник жизни... Главное же, он был искренен. А это — великое достоинство в писателе. И благодаря своей искренности Чехов создал новые, совершенно новые, по-моему, для всего мира формы писания, подобных которым я не встречал нигде. Его язык удивителен».

Сближение с патриархами русской литературы пробудило в Антона чувство сыновней преданности. Портреты наставников заняли центральное место в его рабочем кабинете и оставались там даже после того, как Чехову удалось разоблачить весь гипноз толстовской философии: «Современные лучшие писатели, которых я люблю, служат злу, так как разрушают. Одни из них, как Толстой, говорят: «жизнь — это сплошное лицемерие и обман» ... Подобные писатели помогают дьяволу размножать слизняков и мокриц, которых мы называем интеллигентами, ... которые охотно отрицают все, так как для ленивого мозга легче отрицать, чем утверждать».

Другое дело — общественная деятельность Льва Николаевича. Имея перед глазами такой пример, собственному порыву добродетели можно было отдаваться целиком, без оглядки и боязни себя растратить. Тем более, когда в помощницах у тебя медицина.

С этой целью Чехов уезжает на Сахалин — остров на краю империи с множеством страшных колоний для каторжных. «Я вставал каждый день в пять часов утра, ложился поздно и все дни был в сильном напряжении от мысли, что мною многое еще не сделано». Между тем, за короткое арктическое лето, при том, что перемещаться опасными дорогами по большей части приходилось пешком, ему удалось опросить около десяти тысяч человек. Он легко находил

общий язык как с надзирателями, так и с самими заключенными. Тронутые вниманием и медицинской заботой, каторжники изливали перед ним душу, плакали, делали ему подарки... Весь этот сложный путь — с переписью, с собранием обширных статистических данных, с ужасными подробностями телесных наказаний и «невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек» — лег в основу путевых записок «Остров Сахалин». Книга принесла Чехову славу. Теперь он, как и Лев Толстой, был признан совестью нации. Вот только само путешествие обернулось для писателя расстроеннымми нервами и обещанием больше на Сахалин не ездить: «Жалею, что я не сентиментален, а то я сказал бы, что в места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку... Хорош божий свет. Одно только не хорошо: мы».

САД, БОЛЬНИЦЫ, ШКОЛЫ

Сахалин заметно повлиял на Антона Павловича. Жизнь в беззаботной Москве теперь казалась невыносимой. Хотелось быть ближе к народу, жить на земле и своим трудом добывать пищу. На этом же настаивал и Павел Егорович: «Желает мать, чтоб дети купили дачу... В этом деле Бог поможет... Да будет Его святая воля». И вот уже семья переезжает в только что приобретенное имение Мелихово, и Антон с головой погружается в хозяйствственные заботы. «Во мне течет мужицкая кровь и меня не удивишь мужицкими добродетелями». Он трудится с пяти часов утра до самой темноты. Больше всего любит возиться в саду: высаживать деревья, обрезать малину, обмазывать серой стволы роз или выдергивать сорные травы из клумб. И ему кажется, что если бы он оставил литературу и занялся садоводством, то прожил бы лет на десять дольше...

Крестьяне никогда не слышали от него грубого слова. «С мужиками я живу мирно, у меня никогда ничего не крадут, и старухи, когда я прохожу по деревне, встречают меня приветливо и ласково, улыбаются или крестятся». Да и как не улыбнешься человеку, который с такой заботой ухаживает за больными крестьянами. Особенно в разгар холерной эпидемии 1892 года, когда все время приходилось быть на посту: обезжать двадцать пять вверенных деревень, проверять санитарное состояние изб, лечить, лечить, лечить..., а к ночи обессиленным падать в постель, чтобы с рассветом вновь отправиться в путь.

Справившись с холерой, Чехов займется строительством школ, библиотек, станет попечителем более пятидесяти образовательных учреждений в округе.

В такие, полные забот, периоды ему приходилось забрасывать литературу, за исключением, разве что, тех хлопот и того внимания, которые он оказывал молодым начинающим писателям. К нему обращались за советом, за протекцией, еще чаще с просьбой о просмотре рукописи. И «никто от него не уходил подавленным его огромным талантом и собственной малозначительностью. Если кто-нибудь в отчаянии и жаловался, мол: — «Разве стоит писать, если на всю жизнь останешься „нашим молодым“ и „подающим надежды“», — он отвечал спокойно и серьезно: — Не всем же, батенька, писать, как Толстой».

Впрочем, «жене министерского чиновника, тоже пробующей себя в литературе, Антон со всей откровенностью сказал, что ни ей, ни ее сестре никогда не стать настоящими писателями, потому что им не знаком труд ради куска хлеба. Свои же успехи он приписал не таланту, а слушаю и упорному труду».

Помимо литераторов его навещали ученые, чиновники, студенты, монахи и просящая беднота — как настоящая, так и мнимая. И никто не встречал отказа. «У меня такая масса посетителей, — жаловался он в одном письме, — что голова ходит кругом. Трудно писать». Многие порядком донимали его и даже раздражали, но он со всеми оставался ровен, терпелив и внимателен.

Еще больше донимала его хроническая болезнь легких. Он не любил говорить о ней и сердился, когда его об этом расспрашивали. Переносил ее мужественно, просто и терпеливо, без раздражения, без жалоб, почти без слов.

Его завещание заканчивалось словами: «Помогайте бедным. Берегите мать. Живите мирно».

Любовь не на показ, совершенно бескорыстная, видимо, была особенно ему дорога, как и герою его рассказа «День за городом» сапожнику Терентию: «И такую любовь не видит никто. Видит ее разве одна только луна».

ВЕРА

Добрых дел Чехову было не занимать. Но была ли вера, которая только тогда и жива, когда неразрывна с добрыми делами, и без которой последние — «одна только трата времени и больше ничего». Именно так скажет Чехов устами своего героя. Вот только что же это: упрек в свой адрес или тонкий намек на...?

Чего уж скрывать, в своем безверии Чехов признавался не раз. «Я получил в детстве религиозное образование и такое же воспитание — с церковным пением, с чтением Апостола и кафизм в церкви, с исправным посещением утрени, с обязанностью помогать в алтаре и звонить на колокольне. И что же? Когда я теперь вспоминаю о своем детстве, то оно представляется мне довольно мрачным; религии у меня теперь нет... Вот любовь к церковному звону — все, что осталось еще у меня от моей веры».

В то же время равнодушным к религиозной жизни Чехов не оставался. Он охотно соглашался спеть церковные песнопения, временами посещал монастыри, а в последние годы и вовсе мечтал: «стать бы бродягой, странником, ходить по святым местам, поселиться в монастыре среди леса, озера. Сидеть летним вечером на лавочке возле монастырских ворот».

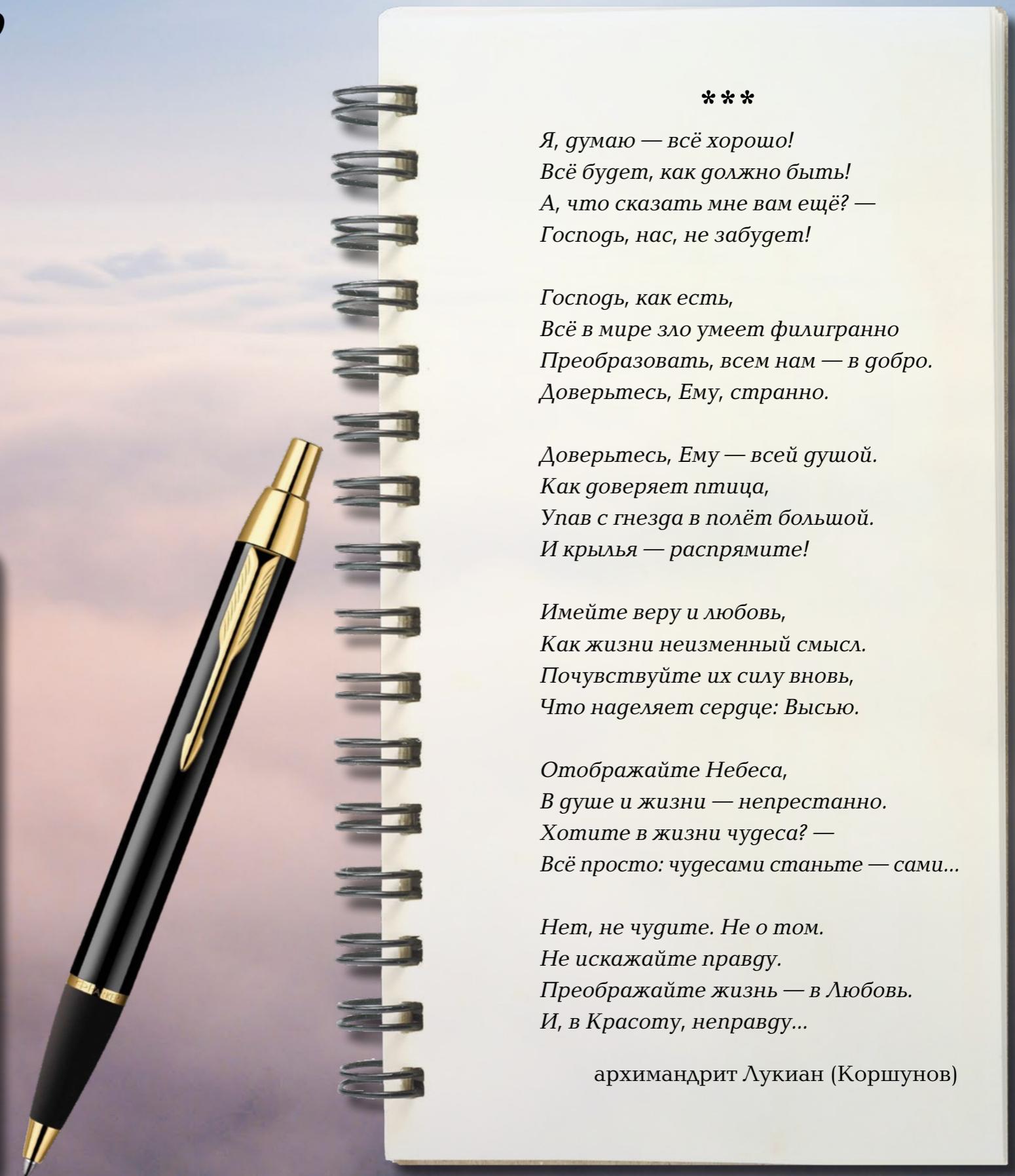
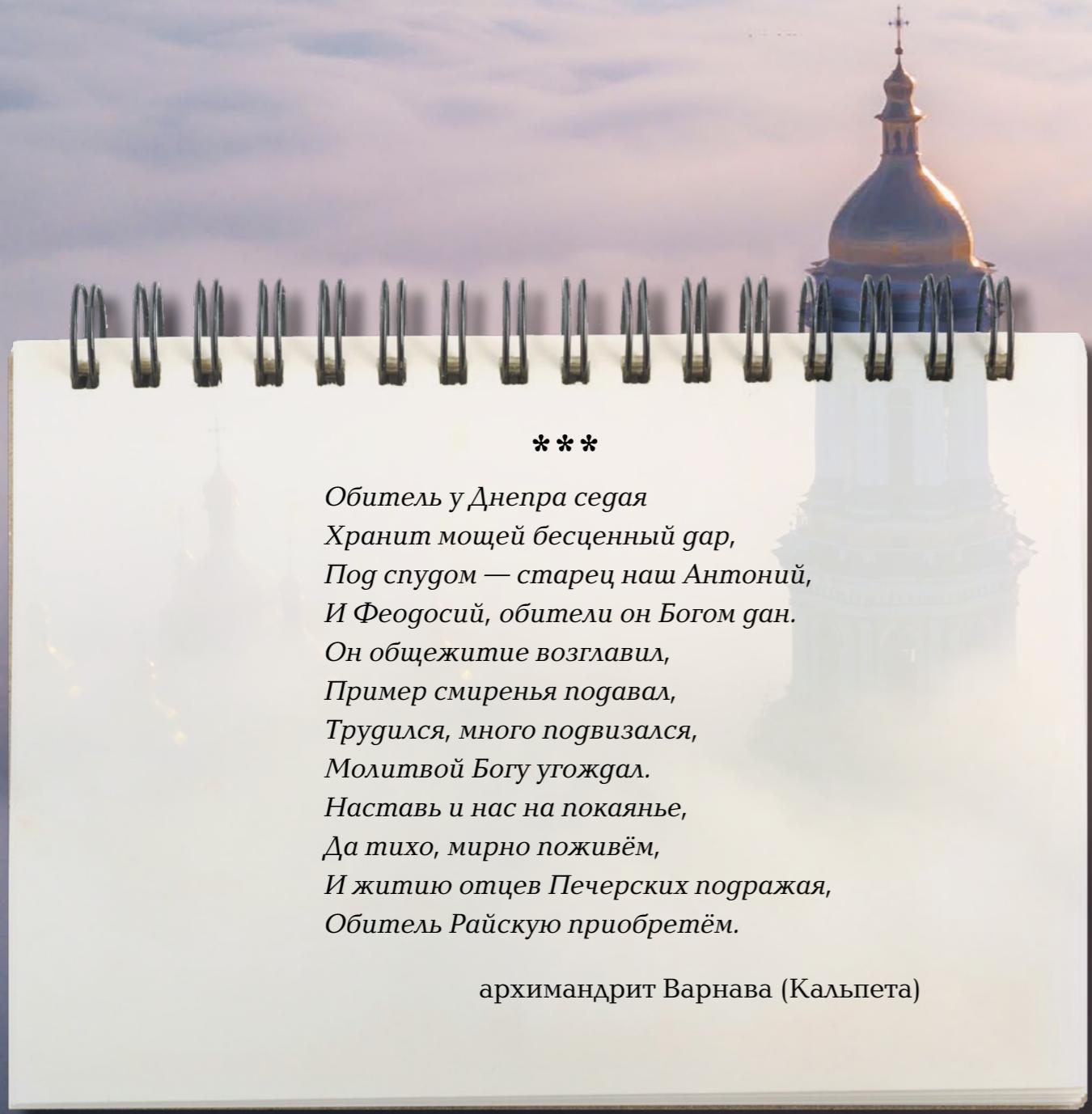
И уж куда более неразрешимой загадкой остается, как в этот период своего якобы безверия, ему удавалось создавать едва ли не самые добрые характеры среди всех изображений православного духовенства. Взять того же отца Якова из рассказа «Кошмар». Ведь как похожа его нищенская судьба на все то, что после страшной революции 1917 года испытает на себе, оказавшееся заграницей, духовенство, когда жить было не на что и нечем, когда храм был дороже собственного благополучия, так что они готовы были отдать все, лишь бы молиться в храме и делиться с каждым этим драгоценным сокровищем.

Может быть поэтому, долгое время едва ли не единственным, кто защищал высокую религиозность чеховского творчества, оставался такой же священник-эмигрант, известный религиозный философ Сергей Булгаков: «По силе религиозного искания, — утверждал мыслитель, — Чехов оставляет позади себя даже Толстого, приближаясь к Достоевскому, не имеющему здесь себе равных».

Как все-таки неумелы мы в различении веры: той, которая привычна для глаз, которая имеет явно выраженную церковность, которая скорее на показ, — от веры, улавливаемой, пожалуй, лишь сердцем... И, может быть, порой ничего другого не остается, кроме как скрывать ее, нелепо отшучиваться безверием, когда не находишь сил или нужных смелых слов, чтобы защитить ее, чтобы не вызвать смех или презрение у людей, давно уже тебе знакомых и все же неразборчивых к тому, что тебе так дорого, что перевернуло твою жизнь... Все это лишь догадки о той перемене, которая случится с Чеховым после его сорокалетия. Будто осмелев, он уже скажет: «Нужно веровать в Бога, а если веры нет, то не занимать ее места шумихой, а искать, искать одиночко, один на один со своей совестью... иначе жизнь пуста, пуста...» ■ (Продолжение в следующем номере)

иеродиакон Лонгин (Задорожний)

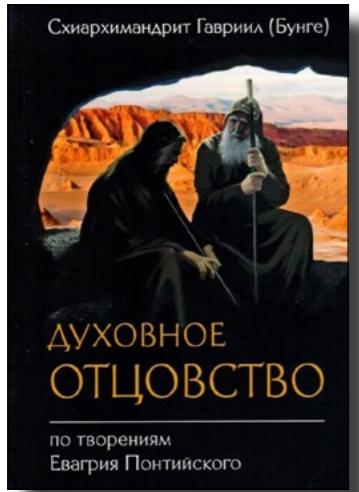
Мгновения поэтического вдохновения

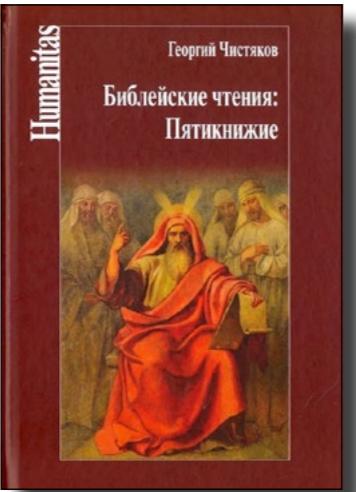
РЕКОМЕНДУЕМ для чтения

Издательство Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры

Схиархимандрит Гавриил (Бунге) **ДУХОВНОЕ ОТЦОВСТВО**

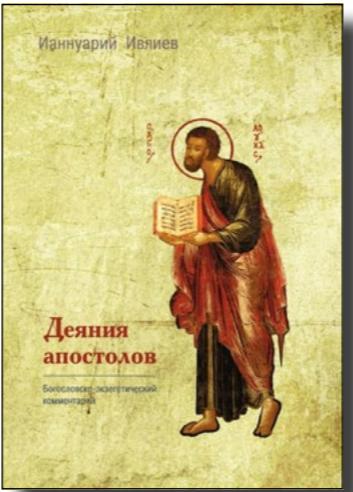
Книга посвящена теме духовного отцовства, которую автор раскрывает, исследуя творения Евагрия Понтийского: «Духовного отца можно сравнить с художником или, точнее говоря, с реставратором. Он не должен формировать вверенный ему «образ Божий» по своему собственному подобию, копируя себя самого; напротив, он должен стараться уподобить его Первообразу, то есть Христу. И если одному из этих «образов» случится впасть в грех и подвергнуться осквернению, духовный отец, невзирая на это, будет любить его и найдет средство и способ вновь «обрести» его для Бога, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания Истины (1 Тим. 2:4). Именно духовному отцу как никому другому известно, «какие лекарственные средства ведут от зла к добродетели и от незнания к ведению»».

Протоиерей Георгий Чистяков

БИБЛЕЙСКИЕ ЧТЕНИЯ

В основе этой книги — цикл бесед священника Георгия Чистякова о первых пяти книгах Ветхого Завета. Чтобы понять главное, автор пытается прочитать Пятикнижие глазами сердечной любви — именно так, как это делали апостолы. Они не стремились апологетически оправдывать или объяснить сложные места: они жили Писанием, были людьми своего времени, а внимание слушателей сосредотачивали на тех многочисленных отрывках, в которых видна любовь к Богу и любовь к человеку. А это значит, что для современного верующего Пятикнижие Моисея должно быть не музейной ценностью, пригодной лишь для изучения, а «картой для продвижения вперед», или «атласом автомобильных дорог», ведущих к дальней обители.

Архимандрит Ианнуарий (Ивлиев) **ДЕЯНИЯ АПОСТОЛОВ**

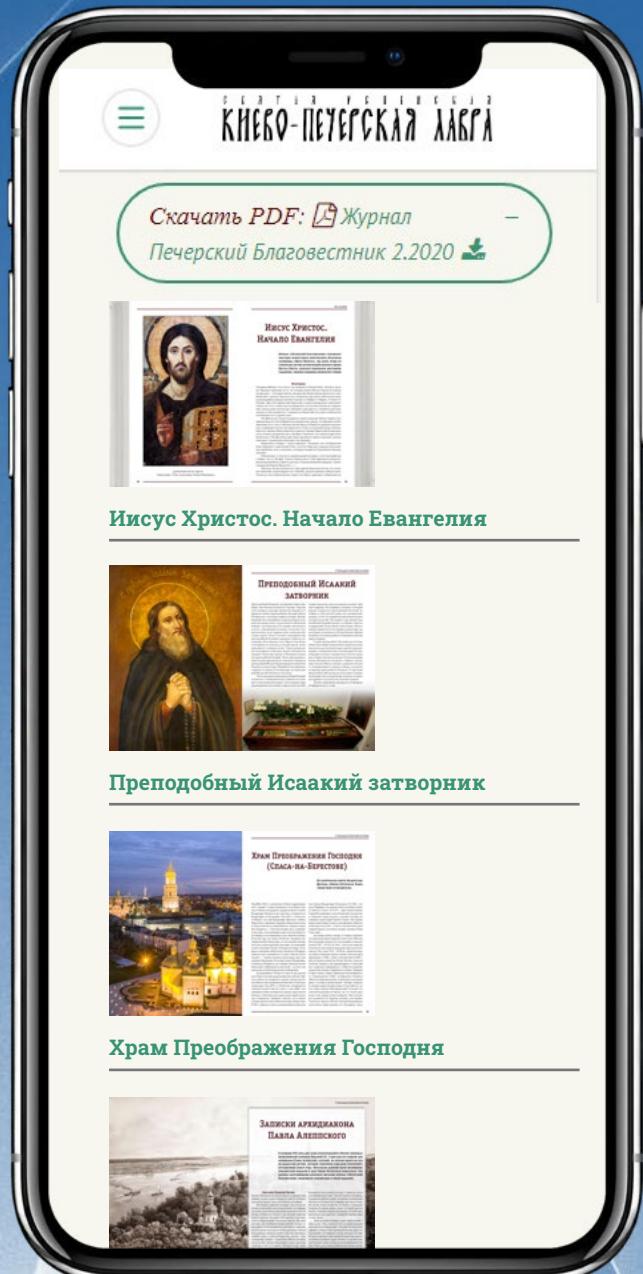
Настоящая книга посвящена изучению второй части исторического труда святого апостола Луки — книге Деяний апостолов. Отец Ианнуарий дает возможность своему читателю приобщиться к тексту книги Деяний на языке культуры, истории и богословского наследия той эпохи, в рамках которой она создавалась. Книга буквально усеяна многочисленными экскурсами (всего их 18), с помощью которых автор обращает внимание своего читателя на самые основные понятия и темы повествования апостола Луки и разъясняет их содержание и значение.

Издательство Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры хранит и бережно развивает традиции церковного книгоиздания, которые берут свое начало от преподобного Нестора Летописца. Периодически выпускается литература, необходимая для свидетельства о Христе и Его Церкви в современном мире. Это книги Священного Писания, богослужебные книги, календари, журнал «Печерский Благовестник», научно-богословская, духовно-просветительская и детская литература

Интернет-магазин Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры
www.lavra.com

Журнал также доступен в электронном формате

WWW.LAVRA.UA/VESTNIK

